

Владимир Пеняков

ЧАСТНАЯ АРМИЯ ПО

Individuum. Внесерийное

Владимир Пеняков

Частная армия Попски

«Individuum»

1951

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)62

Пеняков В.

Частная армия Попски / В. Пеняков — «Individuum»,
1951 — (Individuum. Внесерийное)

ISBN 978-5-6048297-9-0

В годы Второй мировой на солдат Гитлера и Муссолини в Северной Африке и Италии наводило ужас необычное подразделение: появляясь из ниоткуда, лихие парни обстреливали врага с десятка позиций одновременно, сжигали склады и аэродромы, заставляли капитулировать целые гарнизоны. Так действовали бойцы под началом русского эмигранта во втором поколении Владимира «Попеки» Пенякова, сколотившего собственный батальон под крылом вооруженных сил Великобритании, чтобы сеять страх и уныние в тылу врага. Впервые изданные на русском мемуары Пенякова «Частная армия Попеки» — хладнокровный рассказ, написанный авантюристом и джентльменом, где дружба с арабами-сенусси, изнурительные странствия по пустыне и горам, издевки над тупостью армейского командования, доблесть и смертельная опасность становятся слагаемыми одной из самых удивительных историй Второй мировой войны. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-6048297-9-0

© Пеняков В., 1951
© Individuum, 1951

Содержание

Краткая биография	6
Предисловие	9
Часть первая	12
Глава I	12
Глава II	15
Глава III	20
Глава IV	23
Глава V	26
Глава VI	29
Глава VII	34
Глава VIII	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Пеняков

Частная армия Попски

Vladimir Peniakoff

POPSKI'S PRIVATE ARMY

Cassell Military Paperbacks, 2004

© Н. Коношенко, Н. Мезин, перевод с английского, 2024

© ООО «Индивидуум Принт», 2024

Краткая биография

Владимир Пеняков, впоследствии получивший известность как Попски, родился 30 марта 1897 года в семье Дмитрия Пенякова и Анны Пеняковой (Браун) в бельгийском городе Юи. Его отец происходил из екатеринославской (ныне Днепр, Украина) семьи землевладельцев, занимавшихся сельским хозяйством. Сам же Дмитрий Пеняков стал химиком, учился у Дмитрия Менделеева и Николая Бекетова. Мать Попски по материнской линии принадлежала к семье успешных коммерсантов Розенталей из польских Сувалок, в доме ее прабабушки при отступлении из Москвы останавливался Наполеон. А через брак своего дяди Лазаря она была связана с семьей Ефрон, потомками виленского раввина и духовного авторитета Элияху бен Шломо, к которой также относился Илья Ефрон, известный благодаря изданной совместно с Фридрихом Брокгаузом энциклопедии.

Семья Пеняковых покинула Российскую империю в 1893 году, более чем за десять лет до начала глобальных потрясений XX века (Русско-японской войны и Революции 1905 года). Пеняковы благополучно осели в Бельгии, где глава семьи Дмитрий Александрович начал работать в алюминиевой промышленности, применив совершенно новый метод добычи этого металла, позволивший многократно удешевить процесс.

Владимир и две его сестры, Евгения и Ольга, получили классическое домашнее образование в духе интеллигенции старой России. Семья вращалась в космополитичном кругу европейских социалистов, дети много общались с представителями богемы Старого Света. Большое влияние на Пенякова оказал его кузен по матери, поэт Леон Кочницки, впоследствии министр иностранных дел Республики Фиуме, основанной Габриэле д'Аннунцио. Кумирами младшего поколения Пеняковых были Оскар Уайльд и Жорж-Карл Гюисманс, Обри Бёрдслей и Пабло Пикассо, а однажды молодых людей принимал Анатоль Франс.

Идиллию семейной жизни нарушила Первая мировая война: чтобы Владимир избежал участия в боевых действиях, Дмитрий Александрович отправил сына учиться в кембриджский колледж святого Иоанна. Вопреки информации, которая содержится в «Частной армии Попски», Пеняков не служил артиллеристом во французской армии, а лишь прошел военные сборы и благодаря усилиям родителей был мобилизован в качестве специалиста на одно из бельгийских предприятий химической промышленности. Вероятно, Пенякову было необходимо преувеличить былые боевые заслуги, чтобы убедить в своей ценности британское военное начальство во время Второй мировой войны и оказаться на фронте. Тем не менее в конце Первой мировой он действительно больше года провел в госпиталях: то ли в результате отравления ядовитыми газами, то ли вследствие «испанки», – из-за чего облысел и набрал вес.

В 1919 году Пеняков, получив диплом инженера-электрика, устроился работать на фабрику отца в бельгийском Зелзате. Здесь под его руководством на основе наработок Баухауса был возведен рабочий городок, который до сих пор существует под названием Klein Rusland (Маленькая Россия), а центральная улица городка носит имя Дмитрия Пенякова. Это было счастливое время: Владимир с энтузиазмом работал, из Парижа и Брюсселя к нему приезжали многочисленные друзья и подруги, с которыми он предавался удовольствиям в духе «ревущих 1920х». Параллельно он писал свою первую, позднее уничтоженную книгу, публиковал в прессе статьи о рабочем вопросе – в частности, 1 августа 1921 года на обложке *La Nouvelle Revue française* его имя соседствовало с именами Андре Жида и Луи Арагона.

20 января 1922 года после тяжелой болезни умерла младшая сестра Пенякова Ольга, с которой его связывали очень близкие отношения. Потеря на полтора года погрузила его в тяжелую депрессию, из которой он постепенно вышел, но, все еще ощущая утрату – она будет преследовать его до конца жизни, – порвал все старые связи и отправился в Египет.

Дальнейшие события жизни Владимира Пенякова вплоть до весны 1945 года описаны в книге «Частная армия Попски».

После победы союзников во Второй мировой войне Владимир Пеняков задержался в Вене. Регулярно по делам службы встречаясь с советским маршалом Иваном Коневым, он прикладывал все усилия к формированию взаимопонимания между союзниками. Но в силу стремительного разлада между странами и приближения холодной войны его работа на этом поприще не увенчалась успехом.

В Вене Попски встретился со своей второй женой Памелой Фирт, на которой женился в Лондоне в апреле 1948 года. В их доме бывали многие знаменитые гости, в том числе кузен Памелы художник Френсис Бэкон и дипломат Гай Бёрджесс, участник знаменитой «кембриджской пятерки» советских шпионов в Великобритании (тогда, конечно, о его шпионской деятельности было неизвестно). Значительное время Попски уделял заботе о судьбах бойцов своего отряда – многие из них после завершения военных подвигов не смогли хорошо устроиться в мирной жизни.

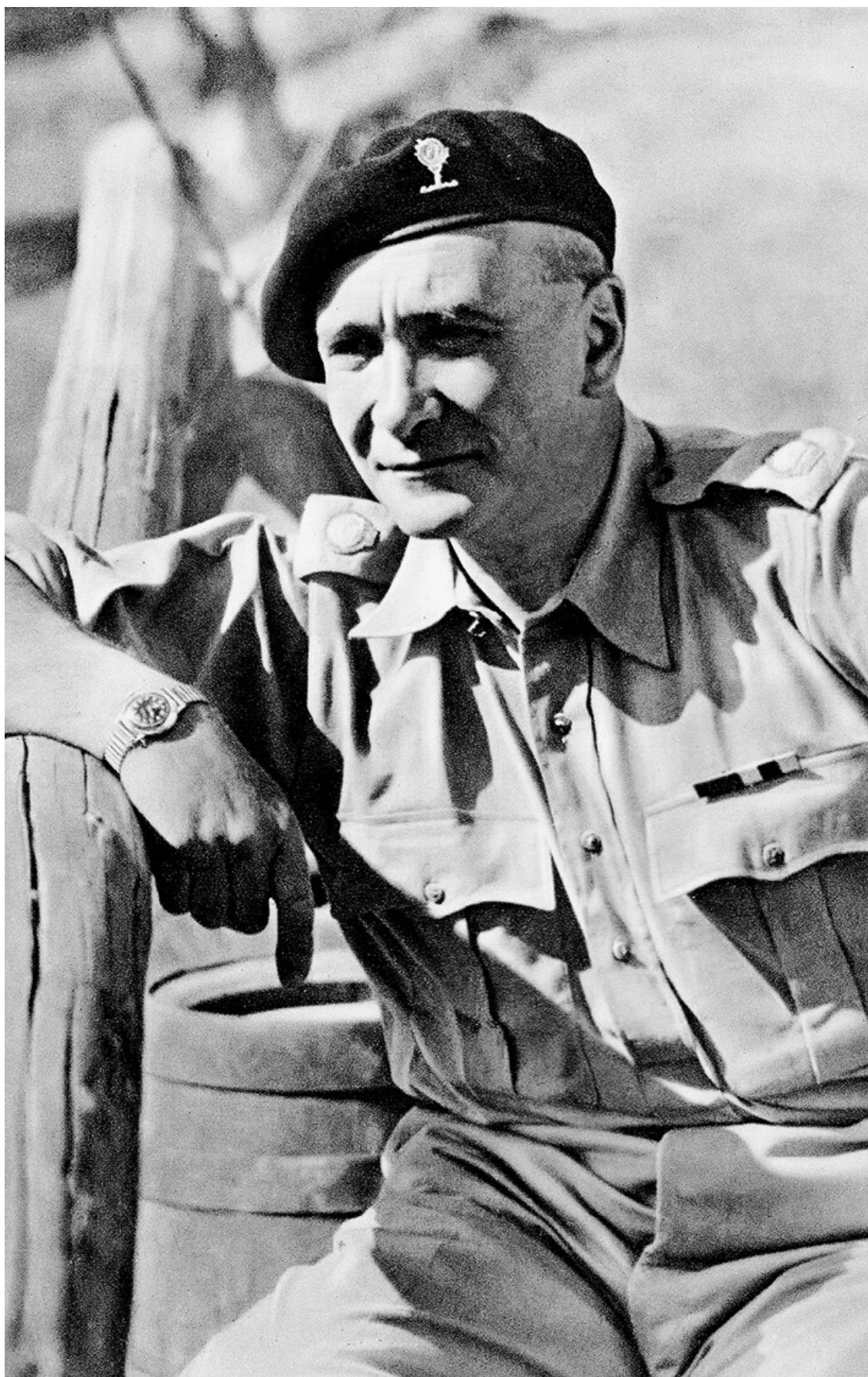
Пеняков был не первым из личного состава «Частной армии Попски», кто написал воспоминания о своем подразделении. Тем не менее его книга произвела фурор и одно время стояла на втором месте в списках самых популярных произведений нехудожественной литературы – после свежего «Кон-Тики» Тура Хейердала, совершившего свой знаменитый поход в 1947 году.

Убежденный приверженец левых идей, Владимир Пеняков считал очень важным содействовать делу мира и социализма: после войны он встречался со своими итальянскими друзьями-партизанами, выступал с одной трибуны с Пальмиро Тольятти, а также на антивоенном митинге в Лондоне рядом с Ильей Эренбургом.

Успех первой книги заставил Пенякова вернуться к идее писательской карьеры: он планировал создать серию приключенческих повестей, первая из которых должна была называться «Если бы юность могла», – о конфликте молодого капиталиста и профсоюзов. Этот труд не был закончен. 15 мая 1951 года Владимир Пеняков умер от рака желудка.

Николай Конашенков

На основе биографии Попски, написанной Джоном Уиллеттом.

Предисловие

Я хочу рассказать, как провел свои зрелые годы: с 1940 года и до конца 1945-го. Как и многие современники, в молодости я был мало удовлетворен своей жизнью, а вот каждый миг этих пяти лет вспоминаю как осознанно счастливый. Пусть читатель простит мне, что в книге я буду по большей части говорить о самом себе – а в результате получится небезынтересный рассказ о событиях, благодаря которым мы с товарищами обрели это счастье.

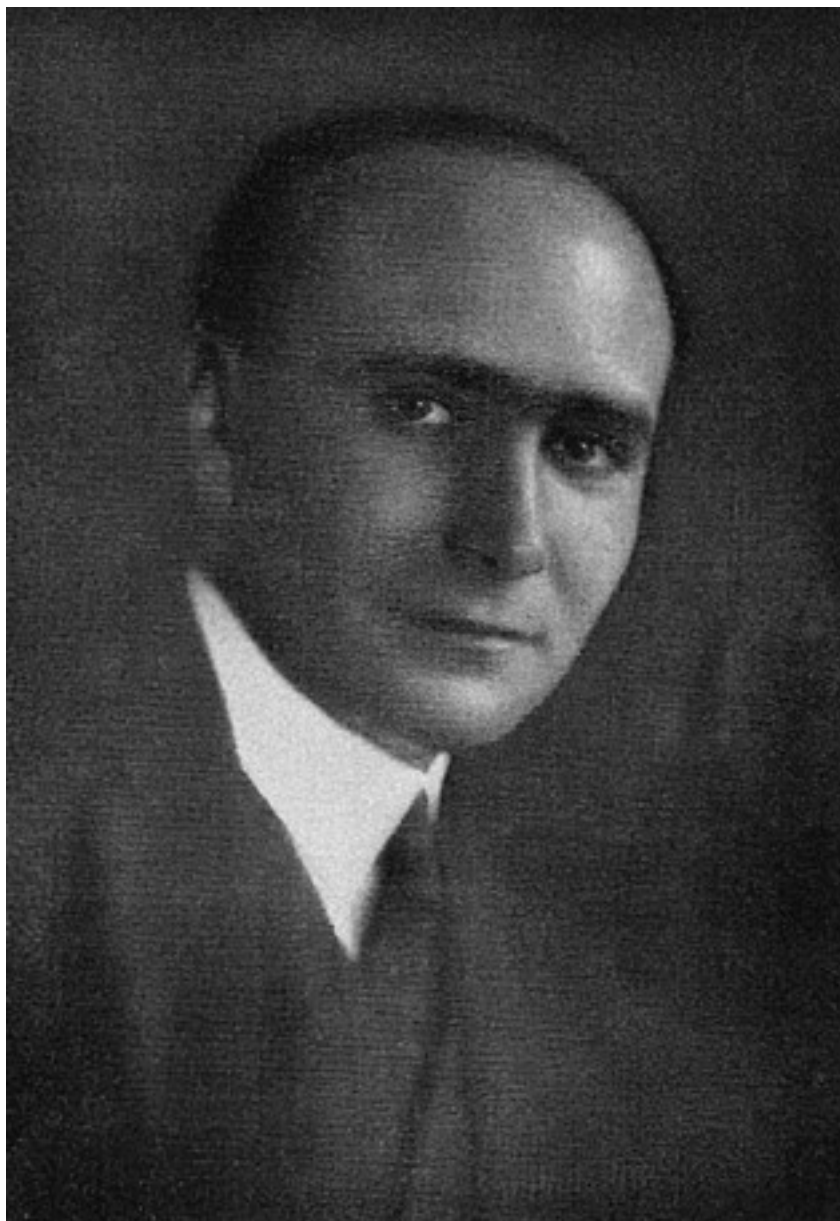
Это история о войне, тяжелой работе и непростых предприятиях, порой будоражащих, но чаще смехотворных, о неожиданных превратностях судьбы, о высокопоставленных лицах, занявших свое место по праву и нет, о скромных представителях других наций, которые были больше преданы нашему делу, чем мы сами, о кровопролитии и насилии, но больше о хитрости и ловкости, величии духа и радости усилий мысли. И еще раз о тяжелой работе, но прежде всего – о дружбе.

Среди людей моего поколения только для дураков стало бы сюрпризом, что война нам нравилась.

Первые сорок пять лет моей жизни к этой истории особого отношения не имеют. Я родился в Бельгии в семье русских интеллигентов, каких теперь не осталось. В своей старомодной манере они обучили меня английскому так, чтобы я мог говорить как носитель языка, и не стали отправлять в школу, считая обычное образование недостаточным. У меня всегда было не меньше трех репетиторов, вдалбливавших знания в юный мозг, без учета преподавателей по музыке, фехтованию и верховой езде.

В 1914 году из этой рафинированной среды я – умствующий хлыщ с серьезными научными амбициями и принципиально антивоенной позицией – попал в Кембридж. В конце четвертого семестра я бросил занятия, чтобы записаться рядовым во французскую армию. В английской несколько месяцев ушло бы на «учебку», а я торопился. У французов все было проще: одиннадцать дней – и вот я квалифицированный артиллерист в расположении своей батареи. По молодости лет армейские будни не произвели на меня сильного впечатления: умеренно наслаждаясь ими, я вник во французский образ жизни, приобретя при этом неприязнь к самим французам, которая с годами заметно выросла. Все кончилось двенадцатью месяцами в госпиталях и лагерях для выздоравливающих, а вскоре после перемирия 1918 года меня демобилизовали по инвалидности.

Став практичнее и оставив мысли об академической карьере, я выучился на инженера. Сменив несколько проходных мест службы, в 1924-м осел в Египте, где посвятил многие годы работе в сахарной промышленности. За это время я женился, родил двух детей, кое-что прочел, кое-где побывал, завел несколько друзей, получил права пилота и исколесил пустыню на неубиваемом «Форде А», который получил грубое прозвание Ночной горшок. О нем я еще расскажу дальше.

Попски в молодости (конец 1920-х)

Карты: Пустыня

Часть первая В одиночку

Глава I Падение Леванта

После переезда в Египет я практически не поддерживал связей с Бельгией, глухой маленькой страной, которая казалась мне совсем не интересной. Более того, здесь я оказался в надменном кругу, где было принято (и, что забавно, принято до сих пор) высмеивать бельгийцев за неотесанность и ущербность. Сейчас мое мнение изменилось, но на тот момент я редко бывал в Бельгии и растерял большинство тамошних друзей.

Живя в Египте, я автоматически оказался включен в среду местных европейцев, которые все более или менее прониклись ориентальным духом, несмотря на свои британские, французские, немецкие, итальянские или греческие корни. Это полумиллионное сообщество было четко стратифицировано. Исходя из моего внешнего вида, думаю, я соответствовал следующей характеристике: «Бельгийский инженер. Эмигрант первого поколения. Своим землякам предпочитает британцев, но не занимается спортом. Не играет в бридж. Принят также во французских и итальянских домах. Не симпатизирует египетским пашам, не состоит в Мухаммед-Али-клубе. Вряд ли добьется существенного положения в местных деловых кругах».

В специфической левантской атмосфере, царившей среди европейцев в Египте, я чувствовал себя неловко и даже немного боялся ее развращающего влияния. Чем дальше, тем с большей тревогой я следил за собой, ожидая проявления гнилостных симптомов: вот как начну вдруг в одном предложении мешать пять языков и при этом во все стороны размахивать руками.

Жизнь местных европейцев, левантинцев и вестернизированных египтян была уныла. Их стремления ограничивались жестокой и неизобретательной жадной наживы и еще более низкими формами тщеславия. Радости любви сводились к сезонному абонементу в бордель и механическому адюльтеру с сухими, холодно-развратными, словно металлическими, женами друзей. Никаких хобби – разве что, из снобизма подражая англичанам, они предавались играм. Все приключения сводились к ежедневным партиям в бридж, рамми или покер и спекуляциям на хлопковой бирже. Книги ценились, но специфическим образом: состоятельный табачный магнат-армянин произвел фурор, выделив в своей новой квартире на Гезире комнату под библиотеку. Меня пригласили, чтобы похвастаться впечатляющими стеллажами. От пола до потолка полки были заняты нарядными и подозрительно новыми переплетами: в одном шкафу – зелеными, в другом – синими, в третьем – старинными, телячьей кожи. Я обнаружил пять полных собраний Виктора Гюго, три – Бальзака, семь – Поля Бурже и четыре – Рене Базена. Стеллаж со старинными изданиями оказался муляжом вообще без книг: кожаные корешки аккуратно наклеили в ряд. В любом случае, читать хозяин не умел, хотя бегло говорил на восьми языках. Одновременно.

Такая жизнь настолько скучна, что я не понимал, в чем ее ценность. В самом деле, в подобном обществе смерть друзей и родственников встречаются со строго отмеренным количеством слез и скорби, но в остальном все хранят хладнокровие. То ли дело угроза личной безопасности: какая агония страха и буйство жалости к себе! Трусость восхваляется и возносится как достоинство, важнейшее из всех, только и поддерживающее эти никчемные картонные жизни. Мудр тот, кто познал всякий страх, ибо он защитит себя от многих опасностей. Эти лицемеры, бесконечно подражавшие жизни, в которой ничего не смыслили, никаких других

чувств, кроме страха, не знают. Их пугают физическая боль, болезни, разорение, позор, проишествия и неудобства, тяжелая работа и вообще всё. Они постоянно напуганы и упиваются этим. Бедные твари, для которых страх смерти – единственная причина жить.

Я сам осторожен, сознательно подвергать себя опасности мне не по нутру. Всей своей способностью получать удовольствие от риска и не обращать внимания на физические невзгоды, думаю, я обязан этим ничтожествам, с которыми прожил шестнадцать лет. После такого казалось естественным стремиться к противоположному образу жизни.

Левантинцы – лишь грязная пена над огромным морем египетских крестьян-феллахов, которых они грабят. Последние нравятся мне больше: простой народ, укорененный в своей земле так глубоко, что вряд ли когда-то их можно будет совсем отмыть от нильского ила. Я работал с ними, понимал их, говорил на их языке и взамен получил дружбу и восхищение. На фоне мошенников, парвеню и недоделанных бизнесменов они были настоящими: добродушными, человечными, невежественными, работающими и искренними. Но не хотел бы я жить как один из этих нищих, изголодавшихся, раболепных, трусливых тварей.

Больше уважения я испытывал к аскезе бедуинов, которые небольшими группами все еще бороздили пустыни Египта. Бессильные потомки былых повелителей мира, они хранили тлеющую память об арабских завоеваниях и по-прежнему поддерживали почти непрерывную связь с племенами своих праотцов на Аравийском полуострове. Нищие и почти вымершие, кочевники и бродяги – но жившие тут же феллахи по-прежнему признавали их своими хозяевами и беспричинно боялись. В отличие от великих праотцов, никакой силой современные бедуины не обладали.

Видеть благородный народ в таком упадке было столь печально, что я пытался вновь возвысить их до истинных арабских героев усилием воображения, основываясь на двухтомнике «Arabia Deserta» Доути.

С 1925 по 1928 год я работал на сахарном заводе в Наг-Хаммади, к северу от Луксора в Верхнем Египте. Восемь месяцев в году, в межсезонье между урожаями сахарного тростника, обязанностей у меня было немного, и всю массу свободного времени я тратил на Палгрейва, Бёртона, Доути, Лоуренса и Гертруду Белл. Так постепенно и через вторые руки я попал под очарование арабской цивилизации. Меня захватила идея исследования Аравии, и настоящее путешествие на полуостров стало моей мечтой. В то время еще ни Филби, ни Бертрам Томас, ни Инграмс не совершили свои великие походы по южной Аравии, да и Ибн Сауд не обосновался там со своими нефтяными интересами. Славу исследователя Аравии еще только предстояло заслужить, это был мой шанс.

Преисполнившись такими устремлениями, я наткнулся на Хаджи Халиля и приложил все усилия, чтобы привить ему традиции праотцов. Он был весьма незначительный шейх, повелитель двадцати палаток, владелец нескольких акров земли на краю пустыни, занятых сахарным тростником, и скромный подрядчик нашего завода. Тем не менее он следовал благородным побуждениям и было в нем некое зерно подлинного величия. Тогда, в зрелые годы, он уже с комфортом осел на одном месте, а вот в юности гонял из Судана в Египет караваны верблюдов на продажу и неплохо знал пустыню. Он и его брат Мифла, простой погонщик, были моими проводниками, когда верхом на верблюдах мы уходили от Наг-Хаммади в пустыню на четырех-пять дней. Тогда я научился самому главному: выбирать ориентиры в песках, читать следы, искать воду и пастбища, ухаживать за верблюдами, – а также этикету кочевников. Халиль оказался единственным из всех встреченных мной арабов, кто был способен преподать науку пустыни. В один из наших первых походов он устроил розыгрыш с моим пробковым шлемом (весьма неподходящим головным убором для езды на верблюде), спрятав его за скалой. Спустя несколько дней, когда мы возвращались домой тем же вади, он спросил: «Где твоя большая шляпа?» – и рассмеялся, когда я сказал, что вообще не представляю. Он объяснил, что вади сначала резко свернет на северо-восток, потом плавно вильнет на северо-запад, там будет под-

ряд три небольших куста, за ними скала, похожая на кофейный стаканчик, россыпь гравия, пещера, булыжник, как верблюжья голова, и за этим булыжником – мой шлем. Так он учил меня запоминать ориентиры.

В обмен на его знания я рассказывал ему об истории его клана Рашейди: они были связаны с Хиджазом и даже возводили свою родословную к курейш – племени Пророка. Кое-что об этом он знал, поскольку совершал хадж и гостил у родичей в Хиджазе. Но до моего появления такие вопросы не слишком его занимали. Идея выглядеть уверенным бизнесменом в глазах французских владельцев нашего сахарного завода привлекала его больше, чем возрождение славных бедуинских традиций. Мало-помалу своими речами я отвратил его от идеи заработать приличное состояние и стать почтенным деревенским старостой, ома. Я рассказывал ему о свершениях арабской армии шерифа Хуссейна, которая с помощью Лоуренса и в союзе с английским королем одержала победы в великих битвах последней войны. Хаджи Халиль, как настоящий *баду*, не чуждый романтизма и амбициозный политически, сиял от гордости за свой народ. Но, не имея возможности прославить себя в таких сражениях, он вынужден был удовлетвориться целью стать вождем всех горделивых бедуинов, пасших свои тощие стада в горах от Нила до Красного моря.

При моем участии он вполне преуспел в этом. Так что гости наших приемов, приходившие из пустыни в лохмотьях и с нечесаными бородами, воспринимали его настоящим арабским шейхом в золотом венце и белоснежных одеждах, бесконечно щедрым на кофе. Что касается моей роли в этом церемониале, они ее понять не могли, поскольку легенды о великих британских исследователях Аравии еще не пришли к ним с дальнего берега Красного моря. Но они не смущались, несмотря на свою нищету, и находили в себе достаточно достоинства, чтобы принимать лестное внимание неверного и чужеземца как должное.

Фарс, конечно: Хаджи Халиль был самозванцем, лишь строившим из себя арабского шейха, наследника великой традиции, – все его подданные немногим отличались от цыган, – ну а я вовсе был не ученым-исследователем, а лишь туристом, приезжавшим на выходные. Но никто особенно не переживал. Польщенные арабы купались в новообретенном самоуважении и, без сомнения, извлекали немалую пользу из возросшего престижа и чувства единства при общении с феллахами. Что касается меня, я учился обращаться с арабскими кочевниками аккуратно, так сказать, по-домашнему, чтобы любые ошибки обходились без последствий. Я рассчитывал, что, когда придет время отправиться путешествовать в Аравию, буду чувствовать себя вполне уверенно, не таким уж зеленым.

В глубине души я знал, что в какой-то момент разорву все здешние связи, но пока был к этому не готов и продолжал работать: сначала на сахарном заводе, затем на фабрике рафинада (следующая ступень в технологическом процессе). Несколько лет я придерживался своего обычного графика, сочетая работу в промышленности с изысканными удовольствиями вроде путешествий по Европе во время отпусков.

Глава II

Игра с пустыней

В 1930 году я перевелся на рафинадную фабрику в Хавамдии, неподалеку от Каира. В отличие от сахарного завода, она работала не четыре месяца, а круглый год. Теперь мой досуг ограничивался выходными и праздниками. На арабов и пустыню оставалось мало времени. Да и в целом я исчерпал возможности держаться за эту иллюзию.

Я записался на летные курсы и по утрам в воскресенье сидел в аэроклубе «Алмаза», ожидая, пока наконец появится египетский инструктор. По некой таинственной причине он всегда опаздывал, тем не менее периодически мне удавалось получить двадцатиминутный урок. В результате после шестнадцати часов в воздухе и ста двадцати часов ожидания в клубе мне выдали права категории «А». Позже я иногда летал в Александрию, Порт-Саид или Минью, но без особого удовольствия, потому что вообще-то летать – скучно. Первые самостоятельные полеты и несколько трюков, которым учат новичков, приводят в восторг, но долгий полет больше напоминает управление трамваем, особенно над Египтом, где погода всегда ясная и нет проблем с ориентированием.

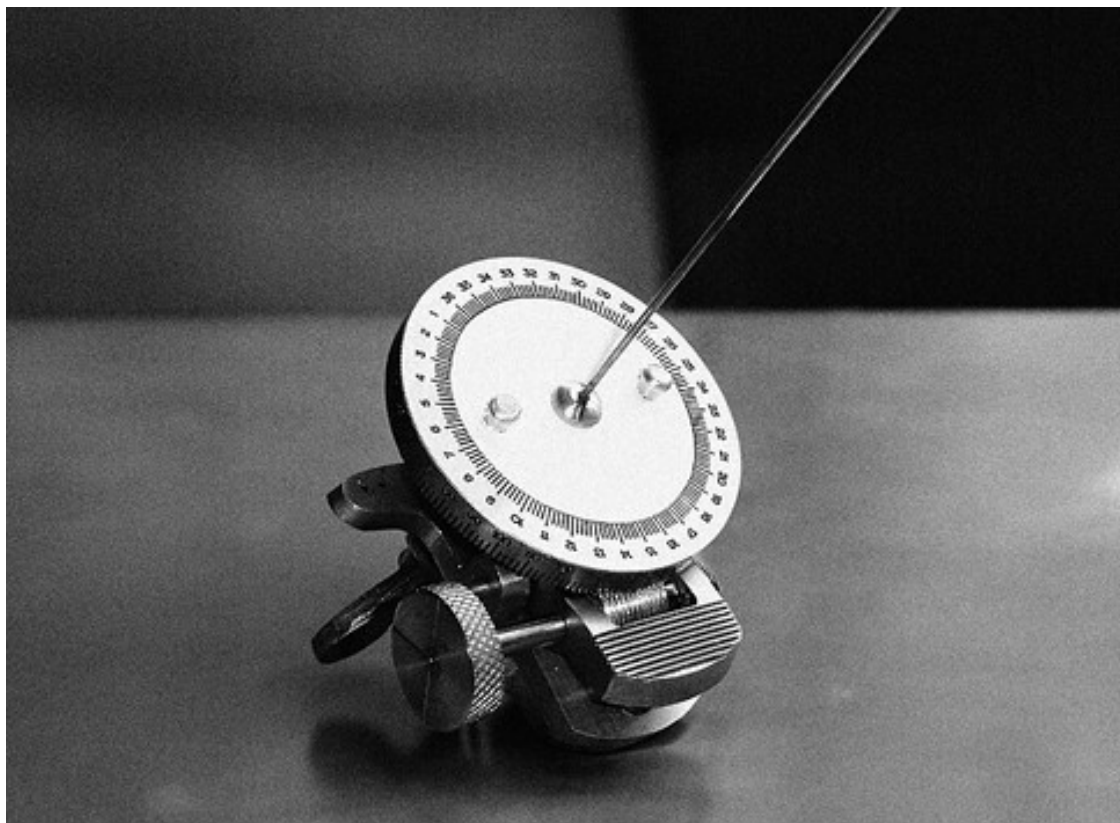
В начале тридцатых я узнал о майоре Багнольде, который вместе с товарищами устраивал автомобильные экспедиции в пустыню. Они достигали плато Гильф-аль-Кебир и горы Увейнат, где сходятся границы Египта, Судана и Киренаики, – 1200 километров от Каира и 550 – от оазиса Харга, последней точки снабжения. На «фордах» они проникли в Великое песчаное море и в общей сложности проехали тысячи километров по Западной пустыне. Ориентируясь по солнечному компасу и используя теодолит и радио, чтобы считывать свое положение по звездам, они преодолели скалы и пески, ранее считавшиеся непроходимыми для автотехники.

В вопросе путешествий по пустыне это было что-то новенькое, так что я решил провести собственный эксперимент: как далеко я смогу пробраться на машине в одиночку и насколько это будет безопасно.

У меня тогда был двухместный «форд», который я переоборудовал в пикап на шинах низкого давления – упомянутый в предисловии «горшок». Впоследствии он безвременно погиб в городе Мерса-Матрух на второй год войны, проехав больше 222 тысяч километров.

Взяв транспортер на 360 градусов, я купил на торговой улице Муски диск слоновой кости. Добавив к нему швейную иглу и алюминиевую рамку, нашел мастерскую, где мне собрали солнечный компас. Первый же вариант на карданном подвесе с масляным амортизатором оказался более чем надежным. Но впоследствии я отказался от кардана – компас и без него легко настраивался и был достаточно точен, хотя и выглядел домашней поделкой.

При навигации по солнцу необходимо знать азимут на светило на каждый час в сутках и на любой день в году. Подходящего атласа в продаже не было. Поэтому за день до путешествия я закрепил свой компас на скамейке в саду и каждые полчаса фиксировал положение тени от иголки. Процесс долгий и утомительный, но, пройдя все его этапы с начала до конца, я освоил простое искусство навигации достаточно, чтобы быть уверенным: не ошибусь в расчетах, даже если устану или буду нервничать. Это было важно, поскольку в одиночном путешествии по пустыне проверить меня было некому и элементарная ошибка в настройке компаса могла легко привести к катастрофе.

Солнечный компас Багнольда

Самостоятельно строить теодолит я не стал – наоборот, купил в Швейцарии теодолит Вильда, настолько совершенный и дорогой, что из-за этого приобретения мне пришлось прервать свой посвященный скалолазанию отпуск и вернуться в Египет. Вскоре я понял, что хватило бы и самого простого инструмента базового уровня, но удовольствие от тонких настроек этой покупки вполне перевешивало те восхождения, которые мне не довелось совершить в Доломитовых Альпах.

Что касается сигналов точного времени, я использовал часы с секундомером и дешевое радио на батарейках, которое иногда позволяло мне услышать отмечающие очередной час гудки из Хелуанской обсерватории.

Вооружившись всем этим оборудованием, а также «Мореходным альманахом» и «Советами путешественникам» Королевского географического общества, я провел немало ночей, пытаясь понять звездное небо. Сначала Вега, Бетельгейзе, Альдебаран, Кастор и Поллукс не спешили оказаться там, где я планировал их увидеть. Но постепенно звезды стали благосклонны и заняли положенные им места на небосводе. Координаты моего дома в Хавамдии составляли 29 градусов 52 минуты 10 секунд северной широты и 31 градус 14 минут 20 секунд восточной долготы. Вначале я радовался, если согласно звездам и моим расчетам он оказывался в радиусе тридцати километров, а не посреди Атлантики или в пустыне Гоби. Но постепенно я так наловчился, что погрешность счисления составляла не более пяти километров – уже неплохо.

Для тренировки навыков счисления я чертил на карте маршрут где-то в полторы сотни километров, начинавшийся и заканчивавшийся у внятных ориентиров, и ехал по нему, ориентируясь на солнечный компас и спидометр, стараясь минимально отклоняться от курса. Расстояние между целью на карте и точкой, в которой я реально оказывался в конце поездки, математически буквально отражало точность моих навигационных расчетов. Однажды я финишировал в пятнадцати метрах от ворот моей цели, монастыря Святого Сергия в вадии Натрун.

Простая удача: в тот раз я был особенно тщателен и потратил целых два дня на двести двадцать километров пути. Но такая точность доказала мне, какой эффективной может быть тщательная навигация по простому счислению. До этого случая мне казалось, что бесконечные часы наблюдения за тенью иглы на диске слоновой кости совсем не гарантируют, что после целого дня езды, взобравшись на очередной холм, я найду на горизонте хотя бы очертания пирамид. Но после этого успеха я обрел уверенность: даже если отклонюсь километров на двадцать в конце сложного перегона, то все равно не потеряюсь.

Путешественнику-одиночке – а я, как правило, обходился без спутников, – непросто одновременно вести машину и работать штурманом. При любом повороте требовалось остановиться и занести данные в бортовой журнал. На пересеченной местности и в ветреную погоду под залпами песка это могло происходить каждые несколько минут. В мягких песках, где останавливаться нельзя, чтобы не застрять, приходилось держать в голове все извивы долгого пути. При езде по скалам и булыжникам водитель вынужден смотреть буквально под колеса, он не видит ни компаса, ни спидометра, ни даже более крупных ориентиров, которые могли бы помочь двигаться более-менее по курсу. В связи с этим на сложных участках пути иногда мне приходилось возвращаться на несколько километров назад, чтобы восстановить свой маршрут, отталкиваясь от последнего внятного ориентира.

Страшнее всего были мягкие пески. Я научился примечать и избегать опасные участки, в крайнем случае поддавая на них газу. Если завяз, нужно полностью разгрузить машину, откопаться, поднять домкратами передний мост и подложить доски, проехать по ним пару метров, переложить, и так снова и снова. Однажды у меня ушел целый день на то, чтобы преодолеть триста метров. Затем всю поклажу нужно было перенести на новое место и поднять ее на борт. Вместо досок я пытался использовать веревочные лестницы, холщовые мешки и циновки из кокосового волокна – всё без толку. В итоге майор Багнольд изобрел стальные мостки, которые решили проблему и повсеместно применялись во время войны.

Наши последующие военные рейды заводили меня туда, куда я и не чаял попасть в одиночку, поскольку в этих путешествиях не было нехватки людей, чтобы копать и толкать. А кроме того, мы получили полноприводный транспорт. В результате порой мне даже становилось жаль, что тонкое искусство езды по пустыне в полном одиночестве больше никому не нужно.

Однако на тот момент я еще не помышлял о войне, а думал об исследованиях Аравии. Несмотря на финансовые ограничения, из-за которых я мог рассчитывать только на одну машину в своих странствиях, мне никогда не приходило в голову отправиться в серьезное путешествие без одного-двух попутчиков. Тренировался я в одиночестве, лишь чтобы убедиться, что в настоящей экспедиции не столкнусь с непредвиденными трудностями.

Также достоинством одиночных вылазок было то, что я не мог позволить себе легкомыслие при подготовке. Все готовилось так, словно на спасательную операцию рассчитывать не приходилось, неважно, потеряешься ты, кончится бензин или сломается машина. Чтобы гарантировать результат, я никогда никого не предупреждал, в какую именно часть пустыни направляюсь, зато таскал с собой впечатляющий набор запчастей, а в гараже выучился в одиночку менять любую деталь. Стремясь предотвратить даже самое нелепое происшествие, я загружал «горшок» так, что у него прогибалась рама. Фактически из запчастей я не возил с собой разве что блок цилиндров.

Больше благодаря удаче, чем навыкам, до сих пор мне удавалось приводить мой пикап домой в целостности. Но полностью исключать возможность аварии было нельзя, и, когда радиус моих вылазок превысил двести пятьдесят километров, я задумался, как вернуться назад пешком, бросив машину. В своих способностях найти дорогу назад в долину Нила я не сомневался. А вот чтобы обеспечить себя водой и питанием, стандартный армейский рюкзак на двадцать два килограмма явно не подходил. Проблему помог решить мой приятель, молодой школьный

учитель по имени Джеффри Банн. Он любил уходить в пустыню пешком и для снаряжения и припасов сконструировал тачку на мотоциклетных колесах. Однажды он с ней за неделю с комфортом прошагал от Маади в окрестностях Каира до Айн-Сохна на берегу Красного моря. Я соорудил похожую «коляску» из алюминиевого профиля. В разобранном виде она хранилась в кузове «горшка», и теперь, с соответствующими запасами воды и еды, я мог углубиться в Западную пустыню как никогда далеко.

К весне 1939 года я давно достиг своих целей. Путешествие по пустыне больше не было приключением: навигация настолько мне покорилась, что в любой момент не составляло труда определить, где примерно нахожусь. Возможные технические поломки меня не беспокоили, я наслаждался одиночеством и развлекался заполнением белых пятен на карте. Даже в тех областях пустыни, которых достиг я, официальные египетские карты содержали больше лакун, чем обозначений. Мне нравилось указывать в них новые дюны, скалы и вадии. В тех одиноких походах меня сопровождали свобода, счастье и радость от того, что Каир оставался далеко-далеко.

Мои амбиции росли, и я решил попытаться выйти на те пределы, которых к тому времени достигли тщательно проработанные экспедиции Багнольда. Я стал планировать поездку к горе Увейнат, вершины которой на 1800 метров вздымаются над гладью пустыни в тысяче километров к юго-западу от Каира. Столь дальняя прогулка предполагала, что надо будет заложить промежуточные склады топлива, провизии и запчастей, да еще и небольшие схроны между ними на случай, если придется возвращаться пешком. План был таким: я возьму с собой попутчика, но поедем мы на одной машине. Я засел за планирование маршрутов, расчет расстояний и необходимых припасов. Однако вскоре стало очевидно, что с такими силами и средствами подготовка экспедиции займет не меньше нескольких месяцев. Учитывая небольшую грузоподъемность «горшка», для организации складов мне каждый раз предстояло путешествие в восемь-девять тысяч километров с основной базы в оазисе Харга. За выходные такое не успеть. Вместо того чтобы, как обычно, отправиться в свой ежегодный отпуск на два месяца в Европу, в этот раз я решил остаться в Египте и подготовить экспедицию.

Майским днем 1939 года я рассказал о своих планах приятелю в британском посольстве.

– Увейнат... – сказал он. – Сейчас там аэродром итальянских ВВС. Не думаю, что тебя туда пустят.

– А кто меня остановит? – спросил я. – Хочешь, вернусь и расскажу тебе, что там да как?

– Не надо. Это просто аэродром. Но нам не нужны пограничные конфликты. С нашими итальянскими друзьями и так непросто. Не стоит давать им лишних поводов.

Я подумал, что он просто напыщенный посольский дурак, который строит из себя правительством Его Величества, о чем и сообщил своему собеседнику – меня рассердило, что он собирается нарушить мои планы.

Остыв, я призадумался. До сих пор я убеждал себя, что Гитлера не стоит принимать всерьез, смеялся над сторонниками войны и, кое-что не понаслышке зная о положении дел в Германии и Италии, не раз говорил, что эти страны воевать не в состоянии.

Но теперь, вспоминая свои впечатления от поездки в Германию и Австрию в прошлом году, незадолго до аншлюса, я стал сомневаться. Может быть, война и в самом деле приближалась. Французы, которых я знал слишком хорошо, были испуганы, деморализованы, и их разрывали собственные противоречия. В общем, даже такой слабой армии, какой представлялась мне германская, не составляло труда одолеть французов. А какая еще сила в Европе могла сдержать немцев от агрессии?

Признав свои пустынные странствия затянувшейся прогулкой выходного дня (что полностью соответствовало действительности), я выкинул Увейнат из головы – как тогда казалось, навсегда. Тем удивительнее было три с половиной года спустя, по пути к оазису Куфра, стоя на

рубеже Гильф-аль-Кебира, на южном горизонте в раскаленном трепещущем воздухе как будто увидеть силуэт этой горы.

Но тогда у меня появились другие планы. Не прошло и двух недель, как я летел в Лондон. Раз Англии предстояла война, путь мой лежал в Англию.

Глава III Врасплох

С тех пор как в 1915 году я бросил Кембридж, чтобы вступить во французскую армию, в Англии я бывал только изредка. Тем не менее именно ее я считал родной страной и любил с пылом несколько комическим – так юноша, однажды брошенный роковой красоткой, вздыхает по ней всю оставшуюся жизнь. И даже сейчас, тридцать три года спустя, эта выдавшая виды земля хранит свое очарование, которое поразило меня в семнадцать лет.

В июне 1939 года Лондон был неприятным местом, объятым тошнотворной и пугающей меня паникой. Паниковать могут французы, итальянцы, левантинцы – но наблюдать признаки истерии в Англии было по-настоящему тревожно. Чтобы успокоиться и сохранить здравомыслие хотя бы в себе, я решил считать, что причина всех беспокойств – нацистская пропаганда, и достаточно ее игнорировать, чтобы немцы отступились. Я смеялся над разговорами о войне и, странным образом, привлек многих на свою сторону – тот факт, что я приехал из-за границы, придавал моим словам вес. Во времена истерии тому, кто смотрит со стороны, легко приобрести авторитет мудреца, но само обостренное внимание к моим взглядам настраивало меня на все более пессимистичный лад. В Англии делать было больше нечего – не рыть же бессмысленные окопы в Гайд-парке, готовясь к обороне. С тяжелым сердцем я отправился во Францию, чтобы узнать, что происходит там.

Причина национальных предрассудков часто кроется в невежестве. Однако моя нелюбовь к французам, напротив, была результатом длительной, можно сказать, интимной близости. (К сожалению, я слишком долго жил среди них и работал с ними во Франции и в Египте.) Мелочность, претенциозная вульгарность, чудовищный эгоизм, узость интересов, пошлая культура, неприветливость и чванство – вот несомненные черты француза. Ничего особенно страшного для меня в этом бы не было – признаю за этим народом множество черт, искупающих его несовершенство, – но, кроме этого, меня невероятно раздражали такие мелочи, как тембр их речи, их манеры и запах в их домах. В основе моего низкого мнения об этом народе лежала личная неприязнь, поскольку вполне естественно винить тех, кто тебе несимпатичен, во всем подряд. Но, при всем моем предубеждении, я никогда не стал бы приписывать французам самоуничижение и раболепие. Они странные люди, со множеством сомнительных привычек, – но в душе смелые и гордые.

Однако к концу весны 1939 года, казалось, они полностью утратили и смелость, и гордость.

Люди, придерживающиеся прогрессивных политических взглядов, были недовольны. Перед ними маячила мрачная перспектива: либо война, в которой Франция обречена на поражение; либо, если войну получится предотвратить новыми уступками, необходимость полностью подчиниться нацистам. В любом случае они потеряют всё. Остальные так или иначе высказывали схожие мысли: Франция слаба, измождена и сломлена, это больше не великая держава, да и не держава вовсе. Сражаться бесполезно: если, по чудовищной нелепости, война все же разразится, поражение неизбежно. Так к чему громкие речи и призывы к невозможному? Лучше помалкивать и постараться извлечь максимум из худой дружбы с немцами. В конце концов, разве нацистский режим не дал их народу достаток, порядок, счастье и единство? У французов не было ничего подобного. Разумно было предположить, что, если бы Франция пошла по пути нацистов – по-своему, более гуманно, более по-французски, – она добилась бы тех же результатов.

Пришло время забыть о застарелых противоречиях и обратить внимание на настоящего врага: не немцев за ближайшей границей, а политизированный и безответственный рабочий класс в собственной стране.

С французами я стараюсь не спорить, поэтому, сделав вид, что принимаю логику моих знакомых, я пожелал им удачи в мудрости их и отбыл в Германию с четким убеждением, что в грядущем противостоянии Франция легко может оказаться на стороне врага.

В то время гитлеровское вранье и гитлеровская агрессия отравляли жизнь всем, кто жил за пределами Германии. Но внутри самого рейха это было практически незаметно, и я мог свободно понаблюдать за этими забавными нацистами в их естественной среде обитания. Весьма красочное и увлекательное зрелище: пузатые коротышки, кричащие «Хайль Гитлер!» там и тут, гротескные не по размеру мундиры, парады и знамена, а в горах и лесах – походные группы загорелых мальчиков и девочек. После Франции казалось, будто с чаепития старых дев ты попал на детскую вечеринку, бунтарскую и немного безумную. Тогда я не знал о коррупции и стяжательстве партийных лидеров, и, хотя страшные слухи о концлагерях уже дошли до меня, по опыту 1914 года я приучил себя не принимать на веру истории о зверствах, оставляя их для дальнейшего расследования. В общем, предварительно я решил, что у немцев все неплохо и им удалось построить режим, который им подходит. Оказалось, что он подходил им настолько, что разглядеть истинную суть происходящего, отделив ее от радостной витрины, было невозможно. Близких друзей, способных быть искренними, в стране у меня не нашлось, я даже долго переживал, что так и не смог подружиться ни с одним немцем. Они были вежливы, рассудительны и гостеприимны, но все попытки понять их подлинные мысли о планах своего лидера упирались в глухую стену.

К концу моего пребывания в Германии это стало раздражать. Все больше думая об убогой реальности за симпатичным фасадом, я еще сильнее злился, ощущая себя ребенком, над вопросами которого посмеиваются, но не пускают во взрослые разговоры. Кроме того, я сомневался, что война, если она разразится, будет так милосердна к немцам, как казалось бедным бюргерам, столь веселым, уверенным и довольным собой.

На обратном пути в Египет, к своим сахаропромышленным обязанностям, я задержался в Милане. В Италии я чувствовал себя как дома, мне нравился этот народ, и я всегда питал иллюзии, что здесь точно смогу разобраться в происходящем за кулисами. Этому способствовали друзья, которые, в своей экзальтированной манере, меня любили, тянулись ко мне и считали значительной персоной.

В Милане на квартире у Джанкарло Дози Дельфини собирался кружок друзей, где всегда можно было узнать что-то интересное. Маркиз Дози был человек выдающейся комплекции и фантастического уродства, отчасти вполне природного, но в значительной мере приобретенного из-за ранения в лицо на Первой войне. Он обладал ошеломляюще циничным чувством юмора, характерным для Северной Италии, приземленным здравым смыслом и, как следствие, предельно обескураживающей манерой выражаться. Не будучи членом фашистской партии, он тем не менее смог возглавить один из крупнейших итальянских промышленных концернов. По делам он много путешествовал по Центральной Европе, Германии, Швеции. Будучи человеком незаурядного и пытливого ума, он всегда был в курсе перипетий континентальной политики. Среди его друзей, людей незаурядного интеллекта, отчасти разделявших его политическую независимость, были юристы, ученые, банкиры и чиновники высокого ранга, знавшие буквально всё о происходящем в стране.

Успешные люди, свое недоверие к фашистскому режиму они не выносили за пределы квартиры Дози, но в ней я узнал истории о чудовищной некомпетентности, издоимстве и коррупции среди тех, кто контролировал Италию. Дози и его друзья были уверены, что Германия развяжет войну до конца года, Италия рано или поздно в нее ввяжется и все кончится катастрофой. В результате обмена мнениями они пришли к общему выводу, что экономика их страны выдержит максимум год большой войны. Затем стремительно наступит кризис, за приближением которого они наблюдали с мрачным нетерпением: по их мнению, только такой кризис даст возможность избавиться от Муссолини и его приспешников.

Все люди с характером, смелые и прямые, чувствующие ответственность за судьбу страны, они смирились с осознанием того, что неспособны избавиться от своих злосчастных правителей, и рассчитывали увидеть, как страна летит в бездну вместе с тиранами, надеясь, что тираны там сгинут, а страна как-нибудь выползет. Они не относились к типу заговорщиков, которые в Италии редко происходят из благородных семейств, а принимали мир таким, какой он есть, считая, что попытки изменить существующий порядок вещей недостойны джентльмена.

Массовое воодушевление, которое так бросалось в глаза в Германии, в Италии, как я обнаружил, полностью изжило себя. Фашистскому режиму было уже семнадцать лет, и он не мог рассчитывать на энтузиазм раннего периода. Не было речи ни о щедрой поддержке активного меньшинства, ни о широком одобрении, и власть Муссолини держалась теперь только на энтузиазме карьеристов, взятках и запугивании. Военные парады и партийные съезды привлекали мало народу, публике платили за участие.

Тем бóльшим шоком для меня было встретить в Риме молодого товарища, внезапно превратившегося в ярого фашиста. Мы были знакомы четырнадцать лет, и он всегда цинично отрицал любые идеи, пропагандируя беспристрастность и здравый смысл. И тут, посетив особенно красочный парад, он стал, стыдливо кося глазами, рассказывать о славном призвании империи Муссолини. Я рассмеялся, он смущенно извинился, но тут же добавил: «Ты не понимаешь, ты не видел, как прекрасны эти солдаты!» В том, что части для этого парада были прекрасно экипированы и вымуштрованы, я не сомневался, но, если верить Дози и его друзьям, больше таких подразделений в итальянской армии не было. Мне, конечно, очень хотелось узнать, так это или нет, и, хотя нет ничего сложнее, чем УВИДЕТЬ армию, особенно в мирное время, я решил, что недавно усиленный гарнизон на острове Родос, в архипелаге Додеканес, будет прекрасным примером боеготовности итальянской армии. Учитывая небольшие размеры острова и восемьдесят тысяч человек личного состава, следовало рассчитывать, что присутствие военных будет сложно не заметить.

Все оказалось так, как я и ожидал. Остров был переполнен итальянской солдатней, голодной на вид, в лохмотьях вместо формы, часто босиком или в холщовых сандалиях местного производства. С моей гражданской точки зрения, вопрос обуви имел решающее значение: итальянская армия много не навоюет.

Глава IV За бортом

К началу июля 1939 года я вернулся в Египет. Моим европейским путешествием двигало не любопытство, а чувство вины. Я уже давно был уверен, что именно мое поколение, пережившее первую войну в юности, а не престарелые мужи отечества и не те, кто вырос после 1918 года, должно по-настоящему отвечать за мир во всем мире. Надо сказать, это бремя давалось мне не слишком тяжело. Я беспечно наблюдал за распространением фашизма в Италии, с большей тревогой следил, как приходили к власти национал-социалисты в Германии, но все время старался себя убедить, что ни одна из наций не окажется настолько тупой, чтобы развязать войну. Я стремился не переживать и просто делать свою работу, чтобы не влиться в ряды паникеров, боящихся войны.

С таким настроем я уезжал в Европу. То, что я узнал там, свидетельствовало: война неизбежна, а я был преступно беспечен. Разумеется, мне не приходило в голову, что какие-либо мои частные действия могли бы изменить ход событий, но то, что я даже не попытался, не доставляло приятных чувств.

Возможно, мне следовало поступить как моя сестра, несколько месяцев назад погибшая в автомобильной катастрофе. Она полностью посвятила себя работе под эгидой Лиги Наций во время Гражданской войны в Испании, при помощи Бельгийской социалистической партии развернула там полевой госпиталь и поддерживала его деятельность. Казалось, она была милой и славной сумасбродкой, полной иллюзий, а выходило, что это я без толку тратил время на сахарных заводах и в бессмысленных хобби. Меня обуревало чувство вины, и несколько недель я пытался понять, как быть. А потом Гитлер вторгся в Польшу, и все стало ясно.

Как только война разразилась, не осталось полутонов, лишних «за» и «против». Раз Англия оказалась в опасности и могла быть покорена немцами, моей прямой обязанностью стало помочь тем, кто сопротивляется такому печальному развитию событий. В меру своих возможностей я должен принять участие в боевых действиях.

Невыносимо живой образ, засевший в мозгу: тупые немецкие агрессоры покоряют Британию и устанавливают свою власть над всем англоговорящим миром, – дал мне уверенность в необходимости бороться, которая осталась со мной на протяжении всей войны. При этом я не испытывал к немцам ненависти, мне не казалось, что они особенно злы или испорчены. В любом случае ненависть – не повод для войны, это мелкое и примитивное чувство, дитя слабости и страха, место которому – в детском саду. В ходе боевых действий я никогда не обращался к ненависти. Знаю, что с ней иногда сталкивались мои ребята, но и у них это чувство расцветало не в горячке боя, к этому я вернусь позже.

Насколько простым казался мой долг, настолько непросто оказалось его выполнить. По всему миру нашлись тысячи энтузиастов, желающих помочь. Правительство Его Величества, хоть и не готовое к большой войне, не испытывало такого недостатка в человеческих ресурсах, чтобы обращаться за помощью к неподготовленным добровольцам. Не сомневаюсь, что, предложи я свои услуги, меня бы коротко послали, и правильно бы сделали.

Для службы недостаточно доброй воли и сильного желания. Нужно либо уметь делать что-то не хуже или лучше других, либо браться за работу, от которой большинство отказывается. Вот с такими мыслями, страдая от того, как мало знаю о современной войне, я попытался осознать свое положение. Получалось так.

Национальность – бельгиец. Для Великобритании – чужак, возможно, дружественный, но в любом случае нейтральный, поскольку Бельгия пока не вступила в войну. Моя национальная принадлежность существенно ограничивала мои возможности.

Мне было 42 года, 178 сантиметров роста, почти 95 килограммов веса. В 1919 году французская армия уволила меня, признав на 80 % негодным к дальнейшей службе. Хотя мое реальное состояние было лучше, меня действительно быстро одолевала одышка и так же быстро уставали ноги. Плюс повышенное давление, которое в последний раз не позволило мне продлить лицензию пилота. В общем, физическое состояние скорее оставляло желать лучшего.

Что касается достоинств: приличный технический и административный опыт, несколько языков, знания о большинстве стран Европы и о Ближнем Востоке, навыки пилота одномоторных самолетов, шкипера парусных судов и водителя джипа по пустыне. И опыт навигации в воздухе, на море и на земле.

С этими скудными достижениями мне предстояло найти способ доказать свою полезность армии, военно-воздушным силам или флоту Его Величества – или какому-нибудь учреждению военной промышленности.

Мой годичный опыт артиллериста четвертьвековой давности вряд ли подходил для армии: серьезного опыта боев у меня на самом деле не имелось, а маршировать в «учебке» не тянуло. Знания в области языков и географии предполагали только унылую штабную службу в разведке или военной цензуре, что меня не интересовало. Против чуть более серьезной, чем это изображалось в кино, разведывательной деятельности у меня было стойкое предубеждение. И, хотя с тех пор мне не раз пришлось ходить в разведку, шпионы как таковые мне кажутся довольно отвратительными. Этическая грань тонка, и я во время своей работы занимался схожими вещами, но, по моей собственной оценке, никогда не падал до уровня «агента». О штабной работе я не имел представления. Возможно, выходом могли стать инженерные части. Но в целом я не верил в себя как солдата. Я корил себя, что толстоват, и был уверен, что на призывном пункте меня засмеют. Армия не выглядела подходящим вариантом для меня, хотя мысль об инженерной службе я придержал про запас.

Для авиации я был слишком стар и в плохой форме и сгодился бы разве что для аэродромной obsługi. Тоже не самый привлекательный вариант.

А вот флот, казалось, мог предложить массу разнообразных специальностей, в том числе весьма неприятных и не требующих серьезного морского опыта. Работа на минных тральщиках была фактически гражданской: никакого блеска, зато все очень скучно, опасно и важно для общего дела. Я полагал, что волонтеры в этой непопулярной области очень востребованы. О судовождении я знал достаточно, чтобы на тральщике чувствовать себя как дома. Перспектива показалась мне заманчивой, и до сих пор я жалею, что таким образом повоевать мне не довелось. Тогда я сделал основной упор именно в этом направлении: не знаю почему, но я решил, что Королевский флот сможет закрыть глаза на мой лишний вес.

Если бы, паче чаяния, не вышло со службой на море, я мог бы поискать работу на военных заводах. Для такого рода деятельности я точно подходил, а спрос на грамотный технический персонал должен был расти. Перспектива занять место более молодого специалиста, который ушел на фронт, удручала, но, в конце концов, лучше так, чем остаться в Египте на сахарной фабрике при жирной зарплате.

С таким весьма ребяческим подходом я принялся писать высокопоставленным знакомым в Египте и Англии, и, когда постепенно начали приходить ответы, выяснилось, что я ошибся во всем, кроме одного пункта. В армии меня готовы были принять, на флоте я был не нужен ни при каких обстоятельствах, а от снабжения, по неизвестным причинам, я так и не получил никакого ответа. Что касается гражданства, я оказался прав. Пока Бельгия сохраняла нейтралитет, вариантов для меня не находилось – политический вопрос, и точка.

Начался 1940 год.

Хотя после захвата Польши в Европе ничего не происходило, меня огорчала невозможность поучаствовать в подготовке к отражению неизбежного немецкого нашествия. Я работал по шестнадцать часов в день, на беспокойство оставалось немного времени – и все-таки раз-

дражение из-за собственного бессилия довело до того, что однажды я доехал до Каира и, сочинив в банке какую-то байку, отправил на счет канцлера казначейства Великобритании двести фунтов стерлингов от анонимного благожелателя. Не знаю, насколько эта акция поддержала финансовую систему империи, но самому мне стало настолько легче, что я поступил так еще несколько раз, пока не исчерпал свои сбережения.

Наступила весна. В Египет прибыла Новозеландская дивизия и встала лагерями в Маади, на другом берегу Нила от Хавамдии. Мы с моей женой и дочерьми девяти и семи лет принимали этих военных у нас дома каждый день. У нас было просторно и прохладно, в саду – бассейн, а вечером, когда спадала жара, мы выходили под парусом на Нил. Мы шутили: «Новозеландцы все братья и сестры, они друг друга все знают с детства и ведут себя как вежливые и честные дети, которые не ломают игрушки». Милый дух этих вечеринок был равно далек как от угара войны, так и от уныния обычной жизни: мы смеялись, веселились и развлекались, прямо как дети или собаки.

Глава V

Лейтенант среднего возраста

Когда в семь утра 10 мая 1940 года я прибыл на фабрику, все только и говорили о германском вторжении в Бельгию и Голландию. К обеду слухи подтвердила *Egyptian Gazette*, и я сразу подумал, что к этому моменту Десварт, возможно, уже убит. На десять лет младше меня, он был единственным другом, оставшимся у меня в Бельгии, и я очень его любил. Во время нашей последней встречи в Египте, за восемь месяцев до этого, он рассказывал мне, что числится лейтенантом в резерве пехоты и в случае всеобщей мобилизации будет командовать противотанковым взводом. Ему предстояло противостоять передовым бронечастям врага и, согласно действующим приказам, сражаться до последнего солдата и патрона. Я не предполагал, что первым утром войны лейтенант Десварт и немецкие передовые части могут разминуться, но произошло именно так. Десварт здравствует до сих пор, пережив множество приключений.

Вторая мысль, которая пришла мне в голову, – мой собственный статус изменился: теперь для Англии я был иностранцем-союзником, о чем следовало безотлагательно известить британское военное министерство.

Британский офицер в центре Каира во время Второй мировой войны. В первой половине XX века Каир считался одной из самых чистых и красивых столиц Средиземноморья

Что касается моей родной страны, то, я думал, она получила то, что заслужила, упрямо цепляясь за нейтральный статус и в итоге оказавшись перед лицом германской армии в одиночестве. Соображение о том, что эта политика принадлежала скорее Спааку, чем всему бельгийскому народу, в тот момент меня не занимало, было не до тонкостей.

После обеда я взял свою машину – не «горшок», а недавно купленный белый седан «меркьюри» – и поехал из Хавамдии в штаб британских сил в Египте, располагавшийся в отеле «Семирамис» на набережной Нила. Специфический армейский колорит наложился на поблекшую эдвардианскую роскошь самой фешенебельной гостиницы Египта. Необходимость

оформлять пропуск в знакомом холле казалась какой-то шуткой. На пятом этаже, в номере, освобожденном от обычной мебели и с благопристойно прикрытым умывальником, сидел майор Эмери, который в течение многих лет был моим соседом в Саккаре, где с успехом занимался археологическими раскопками.

В отличие от большинства великих египтологов, у Эмери не было академического образования в этой претенциозной области, карьеру он начинал как морской инженер. Помимо удивительного дара находить гробницы в песках, где, по мнению ученых мужей, ничего не таилось, он также обладал незаурядной способностью к интерпретации результатов своих раскопок. Под его пером таинственные древние египтяне буквально оживали. Я видел, как, вскрыв неразграбленное захоронение, он со скрупулезностью следователя сортировал свои находки. Интуиция и воображение в сочетании с феноменальной памятью давали ему ключи к пониманию жизни, которая оборвалась пять тысяч лет назад, оставив после себя иссохшие мумии. Лежавшие вокруг саркофага каменные и медные орудия он идентифицировал как оружие, инструменты и кухонную утварь, обычные бытовые предметы. В самой первой гробнице, которую он раскопал, были обнаружены длинные плоские медные объекты с зазубренными краями, предназначение которых поставило всех в тупик. Высказывались необоснованные предположения, что это некие жезлы культового назначения. А Эмери, расчистив и отполировав один из предметов, оценил его, взвесил и, сходя в сарай за своим домом, принес доску. Пока я держал деревяшку, он распил ее «культовым жезлом»: это оказалась древнейшая пила, прародительница всех пил мира. С начала войны он покинул Управление охраны памятников египетского правительства и перешел на службу в разведку, чтобы применить свои таланты к изучению живого врага, а не древних мертвецов.

Гибкий человек, на военной службе он сменил прямолинейность, характерную для него в гражданской жизни, на сдержанность штабного офицера. В неведомом мире армейской иерархии он стал моим проводником и покровителем. Я рассказал ему о своих обстоятельствах, заключив, что, коль скоро с сегодняшнего утра являюсь гражданином государства-союзника, очень рассчитываю получить разрешение вступить в ряды вооруженных сил Его Величества. Он сделал несколько звонков таинственным силам; я прислушивался, затаив дыхание. Судя по обрывкам фраз, доносившимся из трубки, казалось, уже завтра утром мне предстоит явиться в казармы Каср-аль-Нил на медосмотр. На самом деле маховик армейской машины крутился не так быстро, но, в общем, мне предстояло написать прошение о поступлении на службу в британскую армию, которое будет рассмотрено в военном министерстве. Когда из Лондона придет соответствующее распоряжение, мне нужно будет предстать перед офицером медицинской службы, и, если его устроит мое состояние, мне присвоят звание младшего лейтенанта по общему списку. Такого назначения я настолько не ожидал, что тут же бестактно выпалил, что рассчитывал на честную службу, а не на глупые джентльменские игры, – ведь, учитывая отсутствие военного опыта, потребовались бы годы, чтобы выучить меня на офицера! Эмери, у которого опыта было еще меньше, поскольку Первая мировая война пришлась на его отрочество, осадил меня с прежней гражданской прямоотой:

– А что ты думал? Я в армии восемь месяцев – и уже майор. Не будь дураком. Мне не очень-то по нутру, когда меня называют глупым джентльменом, но тебе прощу. Только будешь и дальше разговаривать в таком тоне – мои коллеги сочтут, что либо ты чванливый идиот, либо у тебя шило в заднице. И то и другое – качества, крайне неподходящие новобранцу. Учитывая твой возраст, армия может предложить тебе только ту работу, которой соответствует офицерское звание, причем в штабе и в тылу. Да еще повезет, если тебя сочтут годным.

Я был благодарен такому совету и решил пока подчиниться судьбе.

Своих сахарных работодателей относительно этих планов я держал в неведении, чтобы они раньше времени не потребовали выполнения моих обязательств и не воспрепятствовали моему уходу в армию. Персонала им не хватало: нескольких французов призвали, а итальянцев

скоро должны были интернировать. В ближайшие месяцы мне предстояло тщательно взвешивать свои шаги, поскольку, растратив все сбережения, теперь я с семьей зависел от зарплаты.

События того лета продолжались в своей печальной последовательности: Бельгия пала, за ней настал черед Франции, даже быстрее, чем я предполагал. Наши эвакуировались из Дюнкерка, Италия вступила в войну на стороне Германии, и британские силы на Ближнем Востоке оказались лицом к лицу с неприятелем.

Я не сомневался, что в Африке с итальянцами мы справимся, но общая ситуация выглядела мрачно. Не обладая достаточной верой в чудо, я был уверен, что теперь Англии не избежать поражения. Наши солдаты в Египте сохраняли невозмутимое спокойствие, но его причина крылась скорее в недостатке воображения, чем в каком-то особом знании. Поэтому я готовился к последней битве. Фигурально выражаясь, сам не участвуя в борьбе, я прикладывал все усилия, пытаясь как-нибудь пробраться на борт корабля «Возмездие» раньше, чем он отправится в свой последний бой. Слепо и бесстыдно я обивал все возможные пороги: главнокомандующего, заместителя по тылу, начальника секретариата, штабных офицеров, в частности майора Дженкинса из отдела контрразведки, которого я знал по гражданской жизни, — и писал неуклюжие письма в военное министерство. Все эти ведомства общались со мной с вежливой невозмутимостью, которой я совершенно не заслуживал.

2 октября 1940-го позвонил Дженкинс, сообщил, что ответ наконец получен и не мог бы я на следующий день явиться для медосмотра в казармы Каср-аль-Нил.

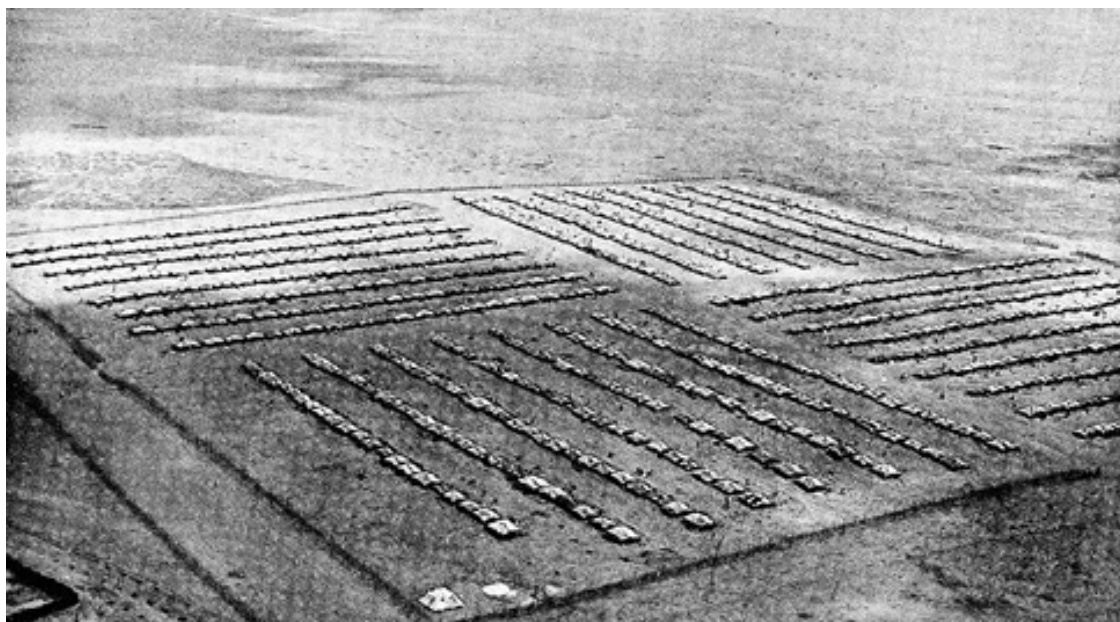
Военврач был молод, участлив и, как мне показалось, романтически настроен. Я затараторил о себе, стараясь говорить как можно искреннее. В моем возрасте и с моими знаниями я пригожусь в разведке. Безусловно, в штабе, но уж там-то точно смогу быть полезен. Отдаю отчет в своих несовершенствах и понимаю, что нет ни малейшей возможности использовать меня в боевой работе, где так важна физическая форма. Тем не менее, поймите, у мужчин среднего возраста есть свои странные амбиции, мне бы хотелось быть признанным абсолютно годным к военной службе. Думаю, никому не будет большого вреда, если вы найдете возможность присвоить мне категорию А1. Усмехнувшись, офицер согласился, что рассчитывать мне стоит только на штабную работу. Затем он бегло осмотрел меня и заполнил все документы ровно так, как я просил.

6 октября я был принят на службу, получил обмундирование и уверенно прицепил звездочки на погоны. 7-го меня распределили в Ливийскую арабскую армию. 9-го я получил приказ явиться с докладом к полковнику Бромилу в войсковую часть ОС 102, которая и была той самой Ливийской арабской армией. Стараясь не врать лишнего, я постарался произвести впечатление ценного кадра для подразделения. Хмурясь, вспоминал службу артиллеристом на Первой мировой, и, видимо, полковник решил, что у меня были кое-какие заслуги во французской армии, которая на тот момент еще не до конца утратила кредит доверия. Затем, конечно, я упомянул беглое владение арабским, умолчав о том, что ливийским диалектом не владею. Рассказал, как с легкостью управлял тысячами египетских феллахов, что также было правдой, но больше походило на управление кроличьей фермой, чем на командование подразделением ливийских арабов. Наконец, поведал о своих контактах с бедуинами, путешествиях в пустыни Египта и Трансиорданию. Полковник Бромилу был не дурак, он долго служил в Ираке и хорошо представлял себе местный народ, а вот о ливийцах почти ничего не знал. Да и никто в Египте не знал тогда, что это за люди. Что это не феллахи, он отдавал себе отчет. Но выбора у него не было: британских офицеров, чтобы командовать ливийцами, катастрофически не хватало. Как оказалось, со мной он не ошибся: я прослужил с ним год и три месяца и, смею надеяться, внес свой вклад в становление нашего подразделения.

Глава VI Форпост

С 1926 по 1931 год десятки тысяч ливийских арабов в результате этнических чисток, организованных генералом Грациани, бежали из Киренаики в Египет. Десять лет войны с захватчиками закончились, когда итальянцы взяли оазис Куфра.

Обездоленные, почти лишенные своего скота, ливийцы осели на краю Западной пустыни, от Бурдж-аль-Араб под Александрией до Эль-Файюма и даже Бени-Суэйф на юге. Кто-то сохранил полукочевой образ жизни, кто-то влился в пестрые толпы нищих, кишевших в Александрийском порту. Но преданность своему духовному лидеру, сейиду Идрису ас-Сенусси, тоже изгнаннику, и общая память о былых вольных пастбищах, которую хранили старики, давали им ценное чувство единства. Это были арабы из племен Киренаики, принадлежащие к тарикату Сенуссийя, правоверные мусульмане, не приемлющие алкоголь, почти не курящие, избегающие любого бранного слова. Мне, привыкшему к египетским ругательствам, сначала было сложно держать язык за зубами с молчаливыми воинами пустыни. Однажды, впад в отчаяние от одного бестолкового новобранца, но все же стараясь себя сдерживать, я обозвал его ослом. Даже такое мягкое оскорбление произвело чрезвычайный эффект. Выйдя из строя, худой ливиец протянул мне свое ружье, заявив: «Если я осел, я не могу быть солдатом». После этого он три дня безвылазно сидел в своей палатке, пока мне не удалось его выманить публичными извинениями и рассказами, что для нас, британцев, осел – одно из самых почитаемых животных, уступающее разве что льву. Хотя и с недоверием, но мои извинения были вежливо приняты.

Итальянский концентрационный лагерь для пленных ливийцев в Эль-Абьяре

Здесь я попеременно использую термины «сенусси», «ливийцы», «горные арабы» для обозначения кочевников Киренаики. Это может смущать, но, если вести терминологию с учетом всех местных особенностей, пришлось бы использовать еще больше наименований, и вот это привело бы к настоящей путанице.

Думаю, именно полковнику Бромилу пришлось в голову организовать из этих беженцев военную силу. Когда я присоединился к Ливийской арабской армии, она существовала уже три

месяца и в нее вступили три тысячи волонтеров: желание сражаться тут сочеталось с расчетом на регулярное питание и зарплату.

А вот что с ними делать, было непонятно, на этот счет имелись разные мнения. Опытный офицер-кавалерист старой школы и человек, не лишенный воображения, Бромилу рассчитывал создать из них партизанские отряды, которые под руководством британских офицеров будут действовать на флангах регулярных частей, посреди пустыни, глубоко проникая в тыл врага и выполняя разведывательные миссии. Десять офицеров, включая меня, присоединились к нашей армии, рассчитывая, что именно этим мы и будем заниматься. Все мы ее покинули, как только стало ясно, что подразделение навсегда ограничится охранными, полувоенными функциями, и у нас всех получилось найти себе более опасные занятия, которым мы с удовольствием и предавались до конца войны. С двумя из этих офицеров, Бобом Юнни и Жаном Канери, я служил и дальше, о них вы еще услышите.

Ближневосточное командование, не веря в боеспособность ливийских батальонов, предпочитало использовать их для караульной службы в Египте, высвободив таким образом британские части для сражений в пустыне.

Британская колониальная администрация, руководствуясь политическими соображениями, рассчитывала использовать ливийцев в качестве полицейской силы, чтобы поддерживать порядок в Киренаике в те периоды, когда тамошние территории переходили под наш контроль.

Полковник Бромилу вполне мог добиться своей первоначальной цели, но, как бы он ни заботился о Ливийской армии, все же он был офицером и думал о карьере. И вскоре ему представился шанс пойти на повышение и возглавить армию Ирака, что он и сделал. А сменившие его командующие об арабах ничего не знали и знать не хотели. Для них это была только очередная ступень к более заманчивым высотам. В результате колониальная администрация одержала верх, и Ливийская арабская армия превратилась в жандармерию.

Ничего об этих интригах я не знал, когда 10 октября 1940 года явился в лагерь сенусси, расположенный у отметки Kilo 9 на шоссе Каир – Александрия, недалеко от Абу-Мины. Меня переполняло счастье: обхитрил штабных, никакой конторской работы, а партизанский арабский отряд – как раз то, о чем я мечтал. И выжать из обстоятельств я собирался максимум.

Перед этим у меня состоялся тяжелый разговор с директором сахарной фабрики: «Когда я хочу выгнать простого дикаря-рабочего, мне надо дать ему уведомление за неделю. Исходя из соотношения зарплат, вам бы надо было нас уведомить за год. Это беспредел. Вам это с рук не сойдет». Однако полгода это мне с рук сходило, а после я нашел возможность убедить руководство компании действовать, исходя из европейских стандартов ведения бизнеса.

Брайан Эмери дал мне первые уроки армейского этикета: когда брать под козырек, как обращаться к старшим по званию, куда девать фуражку, войдя в штаб, как держать себя в офицерском собрании. Заняло это пять минут, но сделано было с таким тщанием, что я ни разу не оплошал за все время моей армейской карьеры. Вот и вся моя подготовка перед поступлением в часть.

В Ливийской арабской армии, надо сказать, царил некоторый беспорядок. Формально как регулярное пехотное формирование она подразделялась на батальоны и роты. Но кроме их наименований, мы не знали ничего, и научить нас было некому. Большинство офицеров буквально вчера пришли с гражданки, верили чему угодно и всего боялись. Несколько профессионалов, которых я встретил, были в шоке от окружающего хаоса и прикладывали все усилия, чтобы перевестись хоть куда-то. Помню одного честного молодого лейтенанта по имени Дж. П. Робертсон, который в одиночку попытался навести там порядок. Он несколько недель прослужил командиром роты, но в конце марта 1941 года его пришлось с диагнозом «полиомиелит» срочно эвакуировать в Каир, а оттуда в Британию. Насколько я знаю, к концу войны он вернулся на службу, став десантником. Я сменил несколько должностей, пока не был назначен одним из ротных в новый батальон. Наш командир, высокий пожилой господин, владелец дома

в Порт-Саиде, изредка проявляя к нам интерес, в основном, кажется, уделял внимание семье. Предоставленные сами себе, мы с коллегами, все как один без армейского опыта, каждое утро искали благовидные предлоги, чтобы не работать на прокладке дороги к офицерскому собранию и строительстве конюшни для игры в поло, а затем, с помощью инструкторов из армии Египта, целый день гоняли наших людей. Сенусси проявляли не меньше усердия, чем мы сами. И еще долго после того, как офицеры удалялись в палатки, их сон через равные промежутки прерывали окрики строевой подготовки на арабском: солдаты тренировали друг друга.

Западный взгляд на воинскую дисциплину нравился ливийцам меньше. Им было сложно осознать, почему при необходимости нельзя на месяц отлучиться к семье. И уж совсем они не понимали, почему по возвращении их считали дезертирами. Мы добровольцы, свободные люди, а не рабы, изумлялись они, как можно сомневаться в нашей преданности?

Нам хватало времени только на самые простые формы подготовки – всё поглощала административная рутина. Мы вечно не знали, сколько человек в наших подразделениях и сколько денег положено им на довольствие. Пайки, обмундирование и снаряжение либо поставлялись непредсказуемым образом, либо не поставлялись вовсе. Наконец мы столкнулись с неразрешимой проблемой обуви: чем снабжать сенусси – ботинками или сандалиями? У самих арабов сомнений не было: они выросли в горах и на скалах и привыкли к ботинкам; сандалии подходили им не больше, чем лыжи. Но их никто не спрашивал.

Грандиозная склока случилась по поводу заваривания чая: можно ли разрешить каждому использовать свой личный чайник, или нужно засыпать бак на роту, что, по мнению арабов, приводило к преступному расходованию ценного продукта?

Наш командир, получивший новое назначение, избегал нас все больше, и становилось все более очевидно, что весь смысл существования нашего батальона – заботиться о нескольких крайне симпатичных лошадях в конюшне для игры в поло.

Несмотря на мою абсолютную неискушенность и уверенность, что в армии все нужно принимать как должное, чувство, что что-то здесь не так, не оставляло меня. Однажды я взял увольнительную и отправился в Каир, чтобы посоветоваться с Брайаном Эмери относительно обязанностей, полномочий и привилегий командира батальона и его офицеров. В этих вопросах Эмери сам плавал, поскольку не служил в такого рода частях, но обеспечил мне инструктаж от настоящих экспертов, а в лагерь я вернулся с экземпляром Королевского воинского устава. Этот красный томик дорогого стоил; изучив его, я составил план и стал поджидать подходящего случая.

Однажды я остался старшим офицером батальона (за несколько дней до этого меня произвели в капитаны). Один из наших грузовиков с безумным арабом за рулем перевернулся, кузов был полон солдат, двое погибло, и несколько пострадало. Вопреки правилам и субординации, я отправил рапорт напрямую в штаб армии в Каир.

На следующий день в нашем лагере появился старший офицер и задал немало вопросов. Еще несколько дней внутри военного аппарата, видимо, без всякой огласки шли какие-то движения. Наконец появился наш полковник, собрал офицеров батальона и сердечно поблагодарил, после чего в собрании мы дружно напильсь. Больше мы его не видели.

До тех пор моя служба представляла собой скорее импровизированную пантомиму в фарсе, сюжет которого никому неизвестен. С прибытием нового командира я почувствовал себя солдатом. Подполковник Пэйли из Стрелковой бригады превратил нас из бессмысленного сброда в воинское подразделение и, что даже важнее, научил меня новой профессии. Мы были знакомы еще до войны и не раз встречались за последние месяцы, пока он возглавлял разведуправление штаба, в котором Брайан Эмери служил его заместителем. На его новом посту, благодаря знанию арабского, я помог ему выстроить отношения с сенусси, а он, со своей стороны, преподавал мне несколько уроков военной науки.

Несмотря на слабое здоровье, казалось, он трудился день и ночь. Наперекор климату Египта, для работы он выбирал именно самые жаркие часы, поскольку солдаты в это время отдыхали в палатках и можно было сосредоточиться на административных вопросах. Впрочем, в начале и на них времени не хватало. Мы ежедневно инспектировали уборные, кухни и казармы. Чистые уборные стали для меня сутью эффективной военной организации. Даже сейчас, принимая новый пост, я бы начал со слов: «Давайте-ка посмотрим, в каком состоянии у вас сортиры».

Мы присутствовали на медосмотрах, мы пробовали солдатскую еду и чай, мы слушали жалобы бойцов. Разобравшись с вопросами физического здоровья, мы навели порядок с увольнениями и организовали допуск в кинотеатр, который находился в соседнем лагере индийской армии. А потом пришла пора вновь проверять уборные – и всё по новой.

Между тем командование изъяло весь запас британских винтовок, который выделило на четыре батальона Ливийской арабской армии, – все триста штук. Взамен нам выдали безграничный запас трофейного итальянского оружия. Это было старье чуть ли не шестидесятилетней давности; чуть более свежие образцы относились ко времени Первой мировой. Состояние этих стволов было чудовищным; с другой стороны, теперь каждый боец хотя бы был вооружен и мог, если повезет, произвести выстрел, да и патронов было достаточно, хоть и ненадежных.

До 1912 года арабские племена Киренаики были независимы, лишь формально являясь вассалами турецкого султана. Затем итальянцы вторглись в Триполитанию, захватили ее без существенного сопротивления и попытались подчинить соседнюю Киренаику. Но не тут-то было. Хотя сенусси пришлось оставить прибрежные города Бенгази, Дерну и Тобрук, проникнуть вглубь страны итальянцам не удалось. Оторванные от внешнего мира, ливийцы вели свою партизанскую войну оружием, захваченным у врага. Под руководством Омара Мухтара борьба с переменным успехом продолжалась до 1929 года, когда генерал Грациани уничтожил больше половины населения Киренаики, а Омара взяли в плен и повесили. Только тогда арабы сдались.

Таким образом, те из наших солдат, кто имел боевой опыт, с итальянским оружием были знакомы. Однако, вопреки нашим ожиданиям, метких стрелков среди них не нашлось. Предстояло, отбросив романтические иллюзии, провести долгие дни на стрельбище, прежде чем рассчитывать, что хотя бы одна пуля попадет в цель. Мы также получили трофейные итальянские пулеметы, прекрасное оружие нового образца: легкие, красивые, удобные, с единственным недостатком – они не стреляли. Я протестировал множество образцов. Даже в идеальных условиях превосходно вычищенные и смазанные пулеметы клинило после первой-второй очереди. В результате мы в своем батальоне от них отказались.

Отправляясь в армию, я представлял себе воинское подразделение как группу смелых людей, храбро сражающихся с врагом и стремящихся одолеть его, используя все возможные виды оружия и неограниченный запас боеприпасов. Обязанности командира в моей картине мира сводились к тому, чтобы поддержать боевой дух своих людей и превзойти противника в хитрости и стойкости. Чем бойцы занимались в промежутках между битвами и как вообще они сталкивались с врагом, я не задумывался. Благодаря руководству Пэйли у меня сложилось новое представление: воинское подразделение – группа людей, всегда слишком маленькая, которая пытается победить врага, используя оружие, которое совершенно не подходит и все время ломается, но заменить. Боеприпасов тоже никогда не хватает. При этом солдаты каждый день испражняются, их нужно кормить, одевать, следить за их здоровьем и моралью в течение месяцев, прежде чем наконец представится случай бросить их в бой. Для этого каким-то образом их нужно переместить на гигантское расстояние со всей экипировкой и снаряжением, которое неизбежно будет ломаться и теряться. Да и сами бойцы по разным причинам будут всегда выбывать, так что нужно постоянно принимать подкрепления и обучать их.

Меня серьезно беспокоило пренебрежение, с которым полковник Пэйли относился к собственно боевой подготовке. Только много позже я понял его: научить людей воевать можно лишь на настоящей войне, в реальных боевых условиях.

У Пэйли я также научился выражаться специфическим армейским языком, он преподавал мне несколько уроков, как убедить штабных офицеров действовать не по их разумению, а в моих интересах и насколько далеко можно зайти в несоблюдении правил. Неподчинение приказам – настоящее искусство, и полководец, который его не освоил, не может рассчитывать на победу.

10 июня 1940 года Италия объявила войну антигитлеровской коалиции. 14 сентября генерал Грациани начал наступление от ливийско-египетской границы в Эс-Саллуме и, хотя не встретил сопротивления с нашей стороны, исчерпал свой потенциал, достигнув Сиди-Баррани, и остановился в сотне километров от наших позиций.

16 декабря 1940 года генерал Уэйвелл атаковал и захватил Сиди-Баррани, полностью разгромил итальянскую армию, взял двести тысяч пленных и продвинулся на семьсот километров на восток, встав к югу от Бенгази.

31 марта 1941 года генерал Роммель, командуя немецким Африканским корпусом и итальянскими войсками, ударил по позициям Уэйвелла и заставил наши войска отступить до самой египетской границы. Однако на глубине ста с небольшим километров в тылу у Роммеля оставался Тобрук, оказавшийся на восемь месяцев в осаде.

18 ноября 1941 года генерал Каннингем атаковал Эс-Саллум, деблокировал Тобрук и продвинулся до Эль-Агейлы за Бенгази.

Лагерь в Абу-Мине, в котором я просидел целый год, был нашим форпостом перед пустыней. Второе из перечисленных наступлений я наблюдал лично и высадился в Тобруке через несколько дней после его освобождения в составе конвоя, в который входили два батальона Ливийской арабской армии.

Глава VII

Бардак

С тех пор как меня временно перевели на командование новым батальоном, я три недели кряду пребывал в мрачном настроении. В отличие от моего родного подразделения, которое под началом Пэйли я в течение почти целого года старался сделать образцовым, этому батальону с руководством везло значительно меньше. Сначала им командовал предупредительный и любезный джентльмен, любивший, однако, выпить. Раз в месяц он неожиданно уходил в запой на несколько дней. Очередная вечеринка грозила ему полевым судом, но, признав вину, он оказался в транзитном лагере в Суэце и ожидал отправки домой.

Его сменил образованный господин, прекрасно владевший письменной речью, но настолько безнадежный заика, что с тем же успехом батальоном мог командовать немой. Однажды за завтраком в офицерском собрании мы ждали четыре минуты, пока он смог произнести: «Я не к вам обращаюсь». Возвращаясь морем из Тобрука, он погиб в результате торпедной атаки. Его мне и пришлось заменить, пока не подыскали нового комбата.

При своих двух предыдущих командующих батальон пребывал в полном небрежении: почти все офицеры были отказниками из других частей, полудурками без представления о смысле своей работы. Кроме шагистики и строевых приемов с оружием, бойцы не знали ничего и даже едва умели стрелять.

Вот на такую должность я угодил в тот самый момент, когда моим собственным людям наконец предстояло отправиться в бой. Я был в ярости, но поделать ничего не мог. Тому батальону поступил приказ отправляться в Тобрук, и кому-то (мне) предстояло принять командование. Мне обещали, что это временно, до первой возможности. Но, как я постепенно понял, такие обещания в армии не значат ничего.

Вести в бой аморфную толпу сенусси и несколько растерянных британских офицеров – перспектива сомнительная. Однако мне предоставили всю полноту командования, и я ей всецело воспользовался. В течение недели я уволил четырех ротных и половину сержантов, чтобы приступить к наведению своих порядков и привести солдат в чувство.

В батальоне повисла тяжелая атмосфера. Офицеры, за исключением нескольких, которых я повысил, ходили с унылыми лицами, я не давал им продыху ни днем ни ночью и поддерживал любые прошения о переводе хоть куда-нибудь. За моей спиной, как я прекрасно себе представлял, поднималась неумолимая волна жалоб вплоть до командования в Каире. Я рассчитывал, что вести о радикальном характере моих реформ ускорят поиск более подходящего командира батальона, ведь мечтал я только о том, чтобы вернуться в батальон Пэйли на должность ротного.

Но мой план не сработал. Комбат действительно нашелся, прекрасный офицер, до этого служивший в индийской армии и Силах обороны Судана и привыкший к упорядоченной и хорошо организованной службе. Так что, когда я рассказал ему об истинном положении дел в его новом подразделении, он категорически отказался меня отпустить, одобрив все нововведения и назначив меня своим заместителем.

Как уже говорилось, я высадился в Тобруке с нашим транспортом и имуществом. А личный состав батальона должен был прибыть морем 18 декабря. В тот день, прождав на несколько часов больше положенного, я навестил администрацию порта, сотрудников которой нашел в крайне печальном расположении духа. Сначала от них было ничего не добиться, но постепенно выяснилось, что у нас большие проблемы с доставкой индейки к Рождеству. И речь шла не о кодовом названии секретной операции: польское судно, на которое погрузился мой батальон, также везло в рефрижераторах шестьдесят тонн индейки. Оно наскочило на мину, и ему разворотило весь нос. Однако несколько часов пароход сохранял плавучесть, весь лич-

ный состав батальона переправили на другие суда конвоя, а вот рождественский обед для всей армии отправился на дно. «Жаль, что не наоборот», – признаться, подумал я.

За поведение моих сенусси в бою можно было не переживать: нам доверили только караульную и полицейскую службу. Наш штаб расположился в Дерне, а самый удаленный гарнизон находился в Барке. Мы представляли собой тыловые силы, да и то далеко не лучшие. Я оставил свои старания и проводил время в поездках по Киренаике, знакомясь с шейхами местных племен и бесстыдно забыв о бардаке батальонной жизни.

18 января 1942 года в Дерне было получено сообщение о неожиданном наступлении немецкой танковой колонны на Эль-Агейлу. Получается, враг сумел высадиться и создать группировку бронетехники в Триполи, а наша разведка это проглядела. Меня это поразило, и я подумал, что такая неосведомленность – серьезная брешь в нашей обороне, которую однажды сможем закрыть.

К тому моменту базировавшаяся в Египте 8-я армия была разобщена и ослаблена, а ряд ее лучших частей перебросили в Грецию: идеальный момент для немецкого наступления, начавшегося 21 января. Был отдан приказ об общем отступлении, и командование в Дерне пришло в замешательство. Не вполне представляю, что происходило следующие несколько дней, поскольку полковник практически постоянно находился в штабе армии, а мне нужно было отвести наши подразделения и сконцентрировать батальон в Аль-Куббе. Наконец полковник объявился, сообщив, что ему удалось выбить для нас боевую задачу – прикрывать отход 8-й армии в составе 4-й индийской дивизии. Я поздравил и поблагодарил его, а он лишь криво усмехнулся и выразил надежду, что мы себя не опозорим. Ободрить его мне было нечем.

Весь день прошел в суматохе: подходили индийцы, войска шли и шли через Аль-Куббу. Следующим утром на рассвете мы двинулись в сторону Дерны, чтобы занять позиции на господствующих высотах. Я объехал окрестности и подобрал дислокацию для каждой роты, затем вернулся в штаб батальона. Движение прекратилось, все замерло от наших передовых постов до разъездов врага где-то впереди – и даже птицы не пели.

В полдень, выждав время, чтобы роты могли обустроиться, я отправился на осмотр позиций. Один из ротных командиров, исходя из рельефа, разместил своих бойцов так, что, если бы пришлось открыть огонь, попасть они могли только по нашему собственному транспорту, стоящему в тылу у шоссе. Я поинтересовался у него, откуда может появиться противник. Он ответил, что пока не знает, враг не подошел. Вопреки субординации я спросил одного из арабов: «Где наш враг?» Тот молча и уныло показал большим пальцем себе за плечо. Тут я заметил тщательно отрытую позицию на четырех человек с одним из наших трофейных итальянских пулеметов.

– Он разве стреляет? – в изумлении поинтересовался я.

– Нет, – отвечал ротный.

– Бойцы об этом знают?

– Полагаю, что да. Зато у них есть автоматическое оружие. Это их поддержит. Мне же нужно как-то поддерживать их боевой дух?

Мне пришла в голову мысль, что лучший способ поддержать боевой дух этой роты – сбросить их командира с обрыва. Преодолев искушение, я заставил его лично снять негодный пулемет с позиции и оттащить вниз к нашим грузовикам. В сущности, милый и недурно образованный человек, он обладал изумительной способностью не обращать никакого внимания на обстоятельства реальной жизни. В тот же день он проявил себя еще раз, и этот эпизод поставил крест на его военной карьере.

Судьба, однако, была к нам благосклонна: враг в этот день так и не появился.

На закате мы снялись с позиций и продолжили отступление через Дерну. Наш полковник возглавлял колонну, а я замыкал. Нас ждал новый рубеж – Тмими, небольшой косогор посреди

пустыни, в пятидесяти километрах к востоку от Дерны; от него до Тобрука оставалось еще две трети пути. Здесь нам предстояло поджидать врага в течение следующего дня.

Даже после заката Дерна все еще была запружена грузовиками, и наши машины разбились на маленькие группы, пытаясь пробиться сквозь город.

Однако в конце все дороги сходились к единственному подъему на крутой и узкий серпантин. Его заблокировала техника: проехав несколько метров, машины надолго замирали в пробке. Мы растянулись еще больше, между нашими грузовиками теперь встряли не только индийцы, но и техника других подразделений, отступавших из Дерны в последний момент. При этом паники не возникало, хаос отступления напоминал скорее добродушное соревнование сотен водителей, каждый из которых стремился поскорее попасть в свой пункт назначения. Почему-то все были уверены, что все кончится хорошо. Так оно и вышло.

Наш батальонный адъютант курсировал взад и вперед на мотоцикле, следя, чтобы двадцать с чем-то грузовиков, растянувшихся на несколько километров, не потерялись. Вдруг он сообщил мне, что одна из последних наших машин, груженная боеприпасами, встала и полностью перекрыла движение. Пешком спустившись вниз, я выяснил, что у нее полетело сцепление. На буксире перегруженный борт было не вытянуть. Глядя на сотни машин, стоявших позади, я принял решение столкнуть грузовик с обрыва. С помощью других водителей мы оттолкали его к каменному парапету, который пришлось разворотить ломом. Машина перевалилась через край, свечкой рухнула вниз и запрыгала по скалам, разбрасывая красиво рвущиеся снаряды, пока не замерла полыхающей руиной далеко внизу. Большого внимания эпизод не привлек, но наши бойцы мрачно усмехались, глядя, как падает грузовик. Колонна вновь поползла вверх. Позже я узнал, что в кузове оставили «прикорнуть» шпиона из арабов Дерны, которого мы захватили ранее в тот день.

Взобравшись на плато, мы перегруппировались и двинулись дальше к Тмими. Я внимательно следил за спидометром, поскольку ночь была темной, а высота Тмими так незначительна, что в каменистой пустыне его легко проскочить, не заметив, даже днем. Когда я в очередной раз притормозил, мне повезло встретить на обочине знакомого офицера-сапера, который знал, что наш пункт назначения находится в пяти километрах впереди, в самом конце очередного подъема. Там я и нашел нашего полковника в компании нескольких офицеров Индийской дивизии, размахивавших фонарями и распределявших прибывающий транспорт по позициям. Полковник нас принял, мы собрались в штабе, и выяснилось, что не хватает только роты того офицера, который раньше пытался укрепить боевой дух солдат с помощью нерабочего пулемета. Я вернулся на шоссе и стал ждать. К четырем утра индийские офицеры, закончив заполнять свои ведомости, удалились на покой. Наступил рассвет, но пропавшая рота так и не появилась. А к этому времени между Тмими и врагом не должно было оставаться уже никаких наших частей. Так что либо потерявшиеся бойцы попали в плен, либо в темноте проскочили место встречи. В последнем случае они быстро должны были осознать свою ошибку, проехав несколько лишних километров. В общем, я рассчитывал, что они скоро появятся. Но они не появились вовсе, доехав аж до Тобрука. Их командир отступил на сто пятьдесят километров вместо пятидесяти, а когда заметил это, решил, что, поскольку дела и так плохи, возвращаться нет смысла. «Мы же все равно отступаем. Я подумал, что в конце концов мы и так встретимся в Тобруке», – оправдывался он позже. Не думаю, что это было сделано из трусости в попытке избежать боя. Скорее, в своем смятенном состоянии он просто забыл о пункте назначения и так и ехал, пока на горизонте не показались знакомые силуэты Тобрука.

Вместе с солнцем над Тмими поднялся смог: шлейфы пыли от идущей техники, а над ними – темные грибы дыма. Многочисленные склады и располагавшийся здесь большой аэродром не успели полностью эвакуировать, и теперь их нужно было спешно уничтожить. В одну сторону по-прежнему тянулись отступающие войска, тягачи ВВС, а навстречу им шла полевая артиллерия, призванная усилить Индийскую дивизию. Дороги никто не придерживался,

техника двигалась во всех направлениях, насколько хватало глаз. В расцветавших тут и там клубах пыли ничего невозможно было разобрать, но звуки ясно разносились в неподвижном утреннем воздухе, скрежет и гул дополняли то, что было недоступно зрению. Просторное и радостное чувство целесообразности заполняло пустыню.

К полудню вновь наступило затишье. Наши товарищи ушли, мы остались прикрывать их от наступающего противника. От моря до дальних высот наша линия обороны шла по утесу перпендикулярно берегу и шоссе. Наверху встала техника индийцев и наша собственная, а также расположилась дивизионная артиллерия. Ниже по склону окопалась пехота. Перед ней было широкое пустое поле, топорщащееся на горизонте холмами и разделенное дорогой, упиравшейся прямо в небо.

Разместив одну из наших ливийских рот на нешироком фронте в рыхлой дуне, я присоединился к капитану Стюарту, командиру роты 1-го Пенджабского батальона, и с облегчением вздохнул, глядя, как его опытные бойцы оборудуют свои позиции. Теперь под полуденным солнцем воздух был прозрачен и свеж. Стоя на краю утеса, я ясно видел на километры вперед: окопы индийцев, широкое поле, холмы, из-за которых появится противник.

Поскольку у Тмими ни у нас, ни у немцев не было в распоряжении авиации и современные методы разведки оказались невозможны, военные действия приняли несколько старомодный характер. Сидя на краю утеса, как на божественном престоле, я мог не только видеть, что происходит на поле боя, но и предполагать, какие планы строят командиры противника, поскольку все было как на ладони. Это был единственный раз за войну, когда я наблюдал картину целиком, находясь буквально в первом ряду. Обычно бойцу доступен лишь узкий сектор обзора, за пределами которого – сомнения и неопределенность, а общую картину можно собрать только в безопасности штаба, расположенного глубоко в тылу, на основе карт и донесений. Станным образом эта непосредственность восприятия придала битве за Тмими ощущение полной нереальности.

В два часа дня мы услышали пять пулеметных очередей. Из-за дальних холмов появились три наших броневика и лениво поползли к собственным позициям. Там, где дорога уходила за горизонт, мелькнул немецкий бронетранспортер – он ехал в противоположную сторону. Значит, контакт произошел, два патруля обменялись несколькими выстрелами и возвращались с докладами. Последняя из наших машин задержалась перед подъемом на утес, чтобы экипаж заминировал дорогу, затем догнала остальные и, проехав справа от меня, скрылась из виду. Полчаса ничего не происходило. Затем из-за горизонта появились несколько немецких машин и снова скрылись. Через десять минут – еще несколько. Потом еще полчаса тишины. Затем воздух расчертил одинокий снаряд, оставив фонтанчик пыли и серый дымок далеко позади наших позиций. И снова тишина. Потом трижды, не торопясь, бухнула наша артиллерия. Бой шел, но кроме этих звуков ничего не происходило. Индийцы сидели спиной к фронту, прислонившись к прикрывавшим их скалам, и, сверкая белыми зубами, весело переговаривались на своем певучем и слащавом языке.

Немецкая техника осторожно ползла в нашу сторону, постепенно охватывала долину, появлялась тут и там и вновь скрывалась в оврагах, поднимая клубы пыли. Без четверти четыре над нашими головами начали все чаще свистеть снаряды разного калибра, разрываясь среди транспорта в тылу и на склоне, где залегли люди. Щелкало сухо и кратко – немцы начали минометный обстрел. Вести прицельный огонь снизу они не могли, поэтому поливали позиции наугад. Индийцы не переживали и продолжали болтать. Наша полевая артиллерия тоже усилила огонь, пытаясь нащупать врага.

Я обернулся и увидел, как мой древний «горшок» скрылся в клубах пыли. Он находился в пятистах метрах позади и обозначал позицию штаба батальона. Я решил проверить, как дела. Обстрел был не таким уж и сильным, так что перебежки от разрыва до разрыва даже взбодрили и развеселили меня – наконец-то, впервые на этой войне, я оказался под бомбежкой.

«Горшок» поцарапало, но серьезных повреждений не было. Не пострадал и никто из наших офицеров и солдат, залегших в неглубоких окопах вокруг машины. Тут был и наш полковник, как и все, тоже впервые попавший под обстрел.

– Как вам это всё? – поинтересовался он.

– Бестолковая несерьезная пальба, – ответил я.

Он поднялся и с интересом огляделся. Однако остальные вжимались в окопы при каждом звуке, так что я присел на корточки и взял на себя труд разъяснить связь между вспышками и взрывами, которые они видели, и звуками, которые они слышали. Звук распространяется относительно медленно, снаряд может лететь в два с лишним раза быстрее, а вот визуальные образы мы воспринимаем практически мгновенно. Из-за этой разницы в скоростях в восприятии условий боя происходит путаница. Скажем, если орудие бьет по вам прямой наводкой, порядок впечатлений может быть таков:

1. Видим вспышку на дульном срезе орудия, ведущего огонь.
2. Видим разрыв снаряда у цели.
3. Слышим звук разрыва снаряда.
4. Слышим свист снаряда в воздухе.
5. Издалека слышим отголосок самого выстрела.

Если же стреляют навесом, то, в зависимости от вашей позиции и траектории снаряда, последовательность может меняться: 1-3-2-4-5 или 1-5-3-2-4. Учитывая, что стрельба идет с обеих сторон, а траектории могут быть как навесными, так и настильными, запутаться несложно. В любом случае есть приятный момент: самый выматывающий звук – долгий свист снаряда – свидетельствует о том, что на самом деле он давно пролетел и никакой угрозы не представляет.

Эти расчеты и попытки совместить воспринятое ухом и глазом так увлекли людей, что, как только они немного разобрались, им стало заметно веселее. Только один молоденький лейтенант, бледный и трясущийся от ужаса, все так же жался на дне окопа. Я вытащил его и, взяв под руку, повел прогуляться, надеясь, что он придет в себя, а вид поля боя с нашего уступа его даже заинтересует. Однако это не помогло, он практически впал в истерику. Мне пришлось отвести его обратно к окопчику, в котором он бросился на землю, бормоча: «Мы не выживем. Надо бежать. Почему мы не бежим?» Мне не хотелось ни трепать себе нервы, ни позволять ему выставлять себя посмешищем, поэтому я нацарапал на бумажке короткую записку и приказал доставить этот рапорт в штаб дивизии, который находился далеко в тылу. Я указал ему на грузовик вдалеке, которым он мог воспользоваться, и велел идти не торопясь. Взяв револьвер с сиденья «горшка», я добавил: «Если вы побежите, я вынужден буду вас пристрелить». Знал бы он, какая пустая это угроза – я и с десяти шагов не попаду в человека из пистолета. Лейтенант добрался до грузовика мелким напряженным шагом, и до следующего утра я его не видел.

Медленно лавируя между летящими камнями и осколками, я прокатил полковника по дюнам, в которых расположилась наша рота. Все были на своих местах, под надежным прикрытием; вскоре мы нашли и ротного командира. Здесь не происходило ничего особенного, ребята были в порядке. Единственное – со своих позиций они не видели, что происходит на поле боя, и потому немного переживали, не бросило ли их командование. Заверив их в обратном, я призвал тщательно нести караулы, хотя, исходя из общей унылой картины, ожидать какого-то прорыва на этом участке не следовало. Полковник остался с ротой, решив вернуться в штаб пешком. А я поехал назад, собираясь навестить пенджабцев и оставить «горшок» в штабе. По пути я остановился пропустить по пиву с веселым британским артиллерийским расчетом. Как ни удивительно, пушка стояла прямо на переднем крае нашей обороны: им была поставлена задача расстрелять в упор наступающие танки, как только они появятся на нашем крутом подъеме. Я уверил их, что пока танков и близко не видно, и под веселые возгласы укатил.

Обстрел хоть и усилился, но все равно под ним было легко, они стреляли так хаотично, что не было противного чувства, когда враг знает, где ты, и на этом месте вдолбит тебя в землю. Стюарт предполагал, что, хотя до заката и оставался всего час, атаки можно ждать в любой момент. И действительно, не прошло и пяти минут, как по долине залязгали полугусеничные бронетранспортеры. В семистах метрах перед подножием нашего холма они высадили десант. Индийцы перестали болтать и открыли аккуратный, расчетливый огонь. Защелкали немецкие пули, фонтанчиками взрывая скалы вокруг нас.

Почему-то находиться под пулеметным огнем мне нравится меньше, чем под артиллерийским обстрелом, но индийцы действовали так четко, что я все равно не мог не восхищаться. Стюарт намекнул, что мне пора отчаливать, и я не преминул воспользоваться подсказкой, скрывшись за скалами, чтобы не мешать ему руководить ротой, отвлекаясь на «туриста». Аккуратно, не растрчивая зря силы, он и его бойцы невозмутимо делали свою работу. На их запыленных лицах мерцали улыбки. Несколько человек упали, их без лишнего шума унесли с позиций. Патроны заканчивались, и, чтобы не бездельничать, я с несколькими ребятами отправился к грузовику снабжения. В него прилетел снаряд, и машина исчезла в жирных клубах черного дыма. Перебегая между разрывами, мы добрались до другого грузовика, подрулили на нем поближе и на руках перетащили ящики с патронами в окопы. Надеюсь, Стюарт так и не узнал об этом (а если узнал – спасибо, что тактично умолчал), поскольку это было глупо и не нужно. Наше положение не требовало таких отчаянных действий.

У меня на глазах немцы, которых становилось все больше, методично, от укрытия к укрытию, продвигались к подножию нашего косогора. Вокруг летали куски металла и камня, а люди с обеих сторон были бесстрашны, стараясь только не подвергать себя лишнему риску. В этом не было ни злобы, ни страха. Нормальные боевые условия: одни усердно атакуют, другие тщательно обороняются. Ежедневная рутина войны, ничего необычного.

Без пятнадцати шесть немецкая атака выдохлась: то тут, то там они стали отступать. К подножию нашего косогора не добрался почти никто. До темноты оставалось совсем немного, и смысла атаковать больше не было.

Решив, что мой долг на сегодня выполнен, а рота скоро получит приказ на отступление, я отправился в тыл к «горшку» и умылся. Немцы прекратили пулеметный огонь, но напоследок усилили обстрел из минометов: неожиданно меня швырнуло лицом в песок, но обошлось без ранения. Когда пыль осела, я насчитал двенадцать шагов до белесого пятна, обозначавшего место разрыва снаряда, и очень воодушевился, осознав, что, даже находясь так близко, можно остаться в живых, – как будто удача была моей заслугой. «Горшок» снова окутало клубами дыма, но ему опять повезло: только шину проткнуло осколком, но у меня, даже в это время сурового дефицита, была запаска. И я поехал.

Поступил приказ оставаться на позициях и отходить в восемь, я отправился обратно в дюны. Предвосхитив указания, бойцы роты собрались на обочине дороги. Оставив это без комментариев, я послал их к нашим грузовикам. Судьба вновь была к нам благосклонна.

С наступлением темноты немцы закончили обстрел. Индийцы изредка прицельно давали очереди трассерами, которые взрывали противоестественную тишину. Мы уехали, и, охваченный непобедимой усталостью, я провалился в сон.

Глава VIII

Горный воздух

Следующий день после битвы при Тмими мы провели в Акроме, в нескольких километрах к западу от Тобрука. Ночью ехали через части, занявшие новую линию обороны у Газалы. Наша миссия была выполнена, оставалось получать пайки, рыть сортиры, теряться в песчаных бурях и при первой возможности – спать. Несколько раз я звонил в штаб корпуса, расположенный в старом османском форте на вершине холма, и таким образом подружился с одним офицером разведки.

На следующий день мы оказались уже в Тобруке, ожидая приказаний. Тут нашлась наша убежавшая рота, и теперь батальон был в полном составе. Хотя мне уже было все равно. Стало очевидно, что по возвращении в Египет боевых действий он больше не увидит, и я твердо решил куда-то перевестись. И тут мне помог наш полковник. Сам боевой офицер, только оказавшись в Египте, он нашел себе более подходящее место, чем Ливийская арабская армия, а мне выписал увольнительную с возможностью примкнуть к любому передовому подразделению, которое готово будет меня принять. Он снабдил меня письмом в штаб корпуса и выделил пикап «форд» с водителем. Моему собственному водителю, к его недоумению, пришлось ехать на «горшке» обратно в Египет.

Офицер разведки из штаба корпуса, с которым я подружился, предложить мне ничего не смог. И я решил попытать счастья у королевских гвардейских драгун, механизированного полка, с которым наш ливийский батальон взаимодействовал три дня до того, как был придан 4-й индийской дивизии.

Тогда подполковник Маккоркедейл, командовавший полком, полусуто предлагал мне должность, если я оставлю Ливийскую арабскую армию. По последним данным, имевшимся в штабе, полк был где-то в районе Газалы. Туда я и поехал, свободный и счастливый, – на передовую, а не следить за чистотой сортиров в Египте. Той ночью стояла такая суета, что, добравшись до Газалы к полудню, я так и поехал с легким сердцем вперед, вдруг оказавшись в нейтральной полосе. Газала, Акрома, Тмими – всего лишь буквы на карте, от Тобрука до Дерны нет ни городка, ни поселка. Где-то рядом в низине прячутся колодцы, от которых и берутся эти названия, но на шоссе сложно найти хоть какой-то признак существования населенных пунктов. Ночь была тиха и спокойна, но я почувствовал: что-то не так, – и, сбавив газ, мы ехали вперед, пока не разглядели на обочине силуэты бронетехники. Я вышел из машины, не глуша мотор и оставив ее в месте потемнее, прокрался вперед – и, как и опасался, обнаружил на бортах техники черно-белые немецкие кресты. Не замеченный дремавшим врагом, я вернулся к машине, не дыша развернулся, очень-очень медленно и тихо проехал около километра обратно вверх по дороге, после чего снова почувствовал себя в безопасности. Наконец я опять увидел машины, на этот раз наши, но из Южной Африки. Я долго будил одного из рядовых, он еле вылез из люка, заявил, что ничего не знает, и проводил меня к своему командиру, а от него в штаб. Там сонный капитан нацедил мне полкружки бренди и уткнулся в рацию, вызывая штаб полка. Что-то он узнал, мы выпили еще бренди, и в конце концов нашелся сержант, который вроде как видел королевских драгун днем ранее к юго-западу от Акромы. Поблагодарив южноафриканских друзей, с этим сомнительным знанием я отправился по собственным следам и к рассвету вновь добрался до форта Акромы. До полудня я без толку разъезжал туда-сюда, пока не встретил водителя, искавшего дорогу на Аль-Адем. Я указал ему путь, и в ответ мне улыбнулась удача: утром этот парень проезжал мимо лагеря драгун в десятке километрах к юго-западу. Два часа – и, найдя их, я припарковался у командирского броневика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.